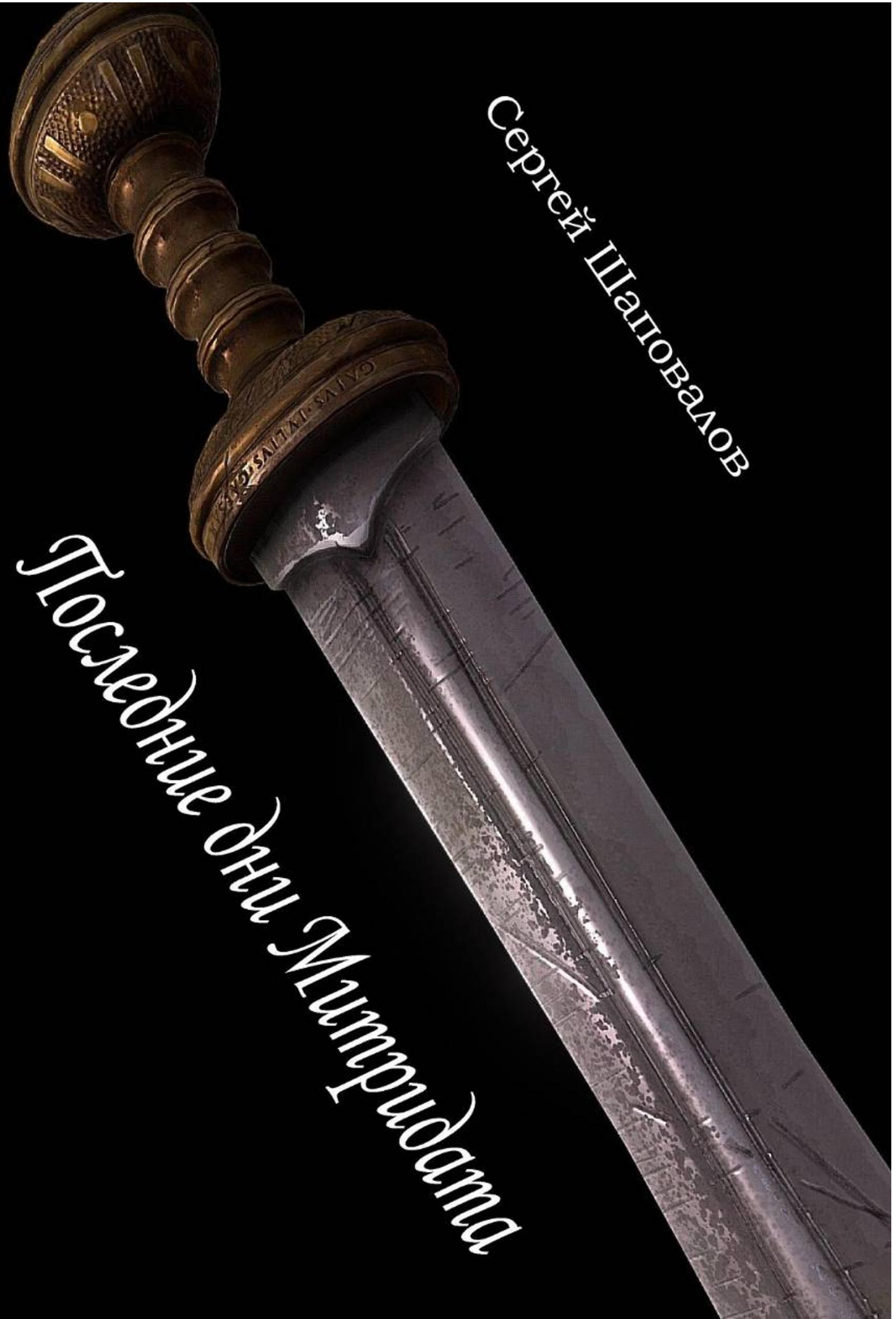

Сергей Шаповалов

Последние дни Митридата

Сергей Шаповалов

Последние дни Митридата

«Автор»

2026

Шаповалов С. А.

Последние дни Митридата / С. А. Шаповалов — «Автор», 2026

Историческая повесть, рассказывающая о последних героических днях великого правителя Понта, Митридата Евпатора. Он посмел бросить вызов могущественной Римской республике. Сражался за освобождение Азии.

© Шаповалов С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Священный курган	5
Охота	7
Тревога	15
Схватка у реки	17
Совет воинов	27
Битва у Херонее	34
Осада Кизика	36
Тяжёлое решение	38
Охота	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Шаповалов

Последние дни Митридата

Священный курган

Священный курган едва приметным бугром возвышался над степью. На плоской вершине, поросшей высокой травой, стоял уродливый каменный идол. Короткие толстые ноги вросли в землю. Руки крепко сцепились над выпирающим животом. Грузное тело немного наклонилось вперёд. Голова без лица, обращённая в сторону восхода, напоминала большое яйцо. Когда утреннее солнце едва показывалось из-за далёкого горизонта, безликая голова воспламенялась от ярких лучей и будто оживала. На закате каменный лик угасал вместе с умирающим днём. Перед идолом стоял алтарь в виде большого плоского камня. Ноздреватая поверхность темнела подтёками жертвенной крови.

Кто поставил этого идола и чьи останки покоятся под толщей кургана, давно позабыли. Но до сих пор степняки совершали жертвоприношения на алтаре, когда мимо гнали табуны, или когда воины неподалёку разбивали стан. Жрецы энереи приходили сюда и ночи напролёт беседовали с идолом, разгадывая его загадки или выведывая тайны мироздания. В ночи над степью разносились их напевы, больше похожие на завывания волков, ухали бубны, визжали свирели. А тайн идол знал множество и не спешил ими с кем-то делиться. У истукана было много имён: каждый народ называл его по-своему. Разные племена по-разному молились и по-разному делали жертвоприношения. Идол слушал просьбы людей, но ничего не обещал. Он служил вечности.

Два одиноких всадника встретились у подножья кургана. Белая луна зависла в черном небе, заливая степь холодным серебристым светом. Всадники съехались вплотную и остановились. Один высокий, крепкий, в кожаной одежде и островерхой меховой шапке. Густая темно-рыжая борода скрывала нижнюю половину лица. Конь под ним широкогрудый, большеголовый. Второй всадник тоньше и ниже, но плечистый, хорошо сложен. Кутался с головой в чёрный шерстяной плащ. И конь у него поджарый, горячий и беспокойный.

– Зачем звал меня, ромей? – густым хриплым басом спросил бородатый.

– Мне нужна твоя помощь, – ответил всадник в плаще.

– Что же ты хочешь?

– Через два дня здесь пройдут торговцы.

– Я должен ограбить караван для тебя? Какова будет моя доля?

– Всё добро можешь забрать себе.

– Много добра?

– Ты будешь доволен. Но мне надо, чтобы караван исчез бесследно. Никто не должен уцелеть.

– Всех убить? – удивился бородач. – Дозволь хотя бы нескольких торговцев пленить. Потом затребую выкуп у родственников.

– Никаких пленных! Умереть должны все! – жестко ответил всадник в плаще. – Я заплачу, сколько потребуешь.

– Мне придется держать ответ перед Великой Матерью Табити за невинную кровь. – Бородач кинул взгляд в сторону каменного идола.

– Думаю, это тебе поможет. – Всадник распахнул плащ и протянул собеседнику кожаный мешочек-крумен, в котором весело звякнули монеты: – Здесь достаточно серебра для того, чтобы задобрить богов, да ещё сможешь прикупить десяток хороших лошадей.

– Как вы, ромей, всё просто измеряете монетами, – горько усмехнулся степняк.

– Всё в мире измеряется монетами, даже милость богов, – не смущаясь ответил всадник в плаще. – Поклянись, что выполнишь моё поручение.

– Но зачем убивать торговцев? Отнять товар – это одно, а перерезать мирных людей – большой грех для степного воина, – всё ещё не соглашался бородач.

– Я плачу – я ставлю условия, – твёрдо ответил ромей.

Степняк, как бы размышляя, взвесил мешочек на широкой ладони и спрятал его в складках одежды. Протянул обе руки в сторону каменного изваяния.

– Клянусь! – торжественно произнёс он. – Сделаю, как ты пожелаешь.

– Всё должно пройти быстро и тихо – никаких следов.

– В караване есть охранение? – поинтересовался бородач.

– Ерунда. Ничего особо ценного не везут. С охраной легко справиться. Но не забудь: убить надо всех.

Заговорщики разъехались.

Вновь воцарилась ночное молчание. Безликий идол печально глядел вдаль бескрайней однообразной степи. Задумчивая луна медленно покатилась к горизонту, предвещая скорый рассвет.

Охота

Двое степняков на приземистых крепких лошадках осторожно подбирались к небольшой голой рощице. На почерневших ветвях ещё трепыхались скрюченные увядшие листья под порывами ледяного ветра. С угрюмого низкого неба временами срывалась снежная крупа и с шуршанием падала в пожухшую траву. Низкорослые выносливые лошади дышали тяжело, выпуская в морозный воздух клубы пара. Копыта скользили по раскисшей глине.

– Теперь он от нас не уйдёт, Марк Валерий! – уверенно говорил крепкий юноша, указывая своему спутнику на след оленя в грязном снегу. – Видишь, шаги стали короче. Силы оставляют его.

– Хочется верить твоим словам, Саваг, сын Азариона, – невесело усмехнулся Марк Валерий, плотнее запахивая полы кожаной короткой одежды под широкий пояс. – Жуть как холодно!

– Прости, но сегодня ещё не холодно, – возразил юноша. – Вот когда в реках вода стынет, и лёд выдерживает лошадь с седоком – тогда настоящий холод.

– Будь по-твоему, – вынужден был согласиться Марк Валерий. – А для меня и сегодня – мороз. У нас в Риме никогда не бывает снега. Холодно – когда несколько дней подряд льёт дождь, и приходится надевать плотную шерстяную тогу.

– Ничего, привыкнешь, – успокаивал его юноша. – Мы же как-то живём в степи. И лучше места для нас нет.

– У меня уже мозоли на заднице от этого неудобного седла. Жёсткое! Как вы только в таких сёдлах проводите дни напролёт? – продолжал жаловаться Марк Валерий.

– Я не люблю сёдел, – сказал Саваг. – Войлочного чепрака мне достаточно. – Он потрепал своего коня по гриве. – Давай, Ветерок, вперёд! Недолго осталось. Сейчас завалим зверя, и отдохнём.

Плечи всадников укрывали меховые накидки из грубо выделанных овечьих шкур, на головах островерхие кожаные шапки с оторочкой из лисьего меха. Юноша всё подбадривал товарища, которому жуть как надоела охота по холодной ненастной погоде.

– Сейчас завалим этого красавца, Марк Валерий. Вот увидишь!

Левой рукой он умело правил лошадью, в правой держал короткое охотничье копьё с длинным железным наконечником.

– Долго же мы за ним гонялись, – вздохнул недовольно его спутник. – Уж не верится, что настигли.

– Зато охота вышла славная! – с воодушевлением возражал юноша.

– Да уж! Я ни ног, ни рук не чувствую, – всё бурчал Марк Валерий. – А поясницу ломит, будто целый день копал ров перед каструмом.

– Но где же ты ещё так хорошо поохотишься? – усмехался Саваг. – Чем труднее охота, тем ценнее добыча. Помнишь, как мы его выслеживали, а потом гнали по степи, пока он в перелесок не ускользнул? Но теперь ему не уйти.

Сам юноша был плечист, осанка гордая, голову держал уверенно, взгляд цепкий – настоящий степной воин. Хотя лицо его ещё не до конца обрело мужские черты, подбородок уже покрывала мягкая светлая поросьль. Товарищу, которого он звал Марк Валерий, на вид было около тридцати. Черты лица сухие. Скулы, словно вырезанные из камня. Впалые щеки чернели жёсткой щетины. Губы обветрились. Хищный нос с горбинкой посинел от холода. Человек не из здешних краёв, сразу видно – к стуже не привык.

Наконец всадники подкрались к голой роще и увидели того, кого так долго преследовали. В зарослях облетевшего кустарника стоял крупный олень с огромными ветвистыми рогами.

Две стрелы впились в бок животного, одна торчала из шеи. Олень умирал. Его качало, но он продолжал гордо держать голову.

– Погляди, Марк Валерий, какого красавца нам послал благороднейший из богов, Фагимасад, – воскликнул радостно юноша.

– Красивый, – вынужден был согласиться его спутник. – Даже убивать жалко. А твоя сестра метко стреляет, – изумился он, растирая ладонью замёрзшие скулы. – Три стрелы на полном скаку, и все – в цель. Знаю хороших фессалийских лучников, но не уверен, что они смогут так метко стрелять.

– Зарику обращаться с луком учила сама богиня Аргимпаса, – важно заявил Саваг.

– Так уж – сама богиня? – засомневался Марк-Валерий.

– Ты же видишь: у Зарики не пропадёт ни одна стрела. Надо будет – соколу в полёте глаз выбьет.

Олень продолжал смиренно стоять, примирившись со своей участью. Но в больших чёрных глазах не было испуга.

– Ну что, Марк Валерий, нанеси последний удар. Мы для тебя его загнали, – предложил юноша.

– Благодарю за честь, – согласился тот.

Саваг передал ему копьё, сам придержал коня.

Их нагнали ещё двое степняков в таких же меховых накидках и островерхих шапках с лисьим мехом. Один из всадников тонкий, с круглым румяным личиком. В руках небольшой охотничий лук. У правой ноги горит со стрелами. Сидел чуть боком, как обычно сидят стрелки. Второй – невысокий, плотный, с длинными сильными руками. По лицу сразу не понять, женщина это или мужчина: черты грубые, но кожа гладкая. Над верхней губой жиденькие усики. Сбоку на крупе коня, свёрнутая кольцами, крепкая волосяная верёвка.

Марк Валерий замахнулся копьём, намереваясь нанести жертве роковой удар. Но олень вдруг в последнем отчаянном усилии кинулся в его сторону, выставив острые рога. Лошадь Марка Валерия испугалась, рванула в сторону, скинув всадника. Охотник, крикнул и шлёпнулся прямо в небольшую лужицу, едва подёрнутую тонким льдом. Остальные всадники беззлбно рассмеялись.

– Проклятый зверь, – выругался Марк Валерий, поднимаясь из грязи.

– Отойди в сторону, иначе он тебя рогами подденет, – посоветовал юноша. Попросил у Марка Валерия обратно копьё. Обернулся к розовощёкому лучнику. – Зарика, может, ты его добьёшь?

Девушка отрицательно качнула головой.

– Мамка, помоги мне, – попросил юноша второго всадника.

Женщина откинула в сторону меховую накидку, освободив правую руку, отцепила волосяную верёвку с петлёй на конце и принялась раскручивать над головой. Петля грозно завывала, рассекая воздух. Юноша заехал к оленю сбоку. Мамка метнула верёвку. Петля зацепилась за рога. Резкий рывок, и обессиленное животное припало на передние ноги. Юноша точно вогнал копьё оленю в рёбра. Жалобно всхрапнув, рогатый красавец повалился набок.

– Ловко, – хмыкнул Марк Валерий, счищая прилипшую грязь с кожаных анаксиридов. Тут же начал оправдываться: – Я не охотник, уж извини! Я – воин, легионер. Вот если в строю, да врукопашную на мечях... А с рогами дело не имел. – Он вытер испачканные ладони о мокрый снег.

– Так, оставайся с нами, – предложил Саваг. – Поживи годик в степи. Я научу тебя охотиться. На лошади будешь крепко держаться. К холоду привыкнешь.

– Спасибо, Саваг, – поблагодарил Марк Валерий. – Но – нет! Я служу Великому Риму, поэтому не могу свободно распоряжаться собственной судьбой. К тому же, думаю, не по мне степная жизнь. Я вырос в огромном городе с высокими домами, шумными улицами и широ-

кими площадями. С детства воспитывался среди легионеров. Привык к городским будням, к военным походам. В степи мне не место. Какой из меня кочевник? – усмехнулся он.

– Жаль, – сказал юноша. – В степи жить привольно. Кругом простор, а над тобой только боги.

– У каждого своя дорога, – ответил на это Марк Валерий. – Не сможет горный лев жить в лесу, а степной волк не выживет в пустыне. У нас в Риме говорят: «Суум куиквэ – Каждому своё».

– Возможно, ты прав, – согласился Саваг. – Как меня учил отец: жаворонку – небо, жабе – болото.

Они рассмеялись.

– А почему твоя сестра отказалась добить оленя? – спросил Марк Валерий, поглядывая на розовощёкую Зарику.

– Не любит убивать, – пожал плечами Саваг.

– Как это? – не понял Марк Валерий. – Но она же выросла среди воинов и охотников. А как прекрасная Зарика будет сражаться с врагами?

Девушка неопределённо качнула головой, но ничего не ответила.

– Люди – не животные, – попытался объяснить ему юноша. – Олени не нападают на нас, не хотят отнять у нас жизнь или свободу. Сколько с Зарикой не ходил на зверя: подстрелить подстрелит, но заканчивать всегда мне приходится. Что поделаешь, Фагимасад не позволяет ей убивать. Но уверяю тебя, Зарика врагов жалеть не будет. Одно дело – охотиться, другое – сражаться.

– С оленем что будем делать? – спросил Марк Валерий.

– Сначала попросим у него прощения, потом поблагодарим Фагимасада за добычу, после разделаем, – предложил Саваг.

Марк Валерий взглянул на небо.

– Скоро стемнеет, – с тревогой напомнил он.

– Здесь заночуем, – решил юноша.

– Как, здесь? – ужаснулся Марк Валерий. – Прямо в степи? Да что ты удумал, Саваг?

– Ты же воин, Марк Валерий, – добродушно усмехнулся юноша. – Должен уметь спать на голой земле, пить воду из болота и не бояться холода. Не переживай, – попытался взбодрить он римлянина, увидев, как тот изменился в лице. – Сейчас Мамка разведёт огонь, полакомимся свежей оленьей печенью. Потом будем сидеть вокруг костра и слушать рассказы друг друга. Это же здорово!

Марк Валерий обречённо вздохнул:

– Хорошо. Будь по-твоему.

К месту удачной охоты подлетели ещё двое всадников: тонкая, сильная девушка лет четырнадцати, за ней следом могучий воин. На девушке только кожаная короткая одежда, расшитая серебряным узором. Анаксириды, заправленные в мягкие сапоги, доходившие до колен. Сапоги спереди перетянуты шнуровкой крест-накрест. За спиной лёгкий плетённый щит, в руке короткое копьё. Лисья шапка лихо съехала на затылок, оставляя открытым чистый смуглый лоб. Лицо с правильными чертами, слегка вытянутое. Чёрные брови изящными тонкими дугами почти сходились у переносицы, а под ними тёмные, слегка раскосые глаза. Боевой широкий пояс с медными бляхами стягивал узкую талию и закрывал живот. Юную охотницу сопровождал воин, похожий на кусок скалы. В противовес её грации и лёгкости он был здоровый, с грубым лицом. Да и лица почти не было видно: всё, кроме большого мясистого носа и тёмных, словно угли, глаз, скрывала рыжая, жёсткая борода.

– Завалили? – звонко спросила девушка, пытаясь унять частое дыхание.

– Где же ты отстала, грациозная Дегиза? – приветливо спросил Марк Валерий. – Почему не пожелала принять участие в столь славной охоте?

–Славной? – презрительно фыркнула девушка и с кривой усмешкой взглянула на добычу. Сопровождающий её воин-скала попытался укрыть девушку меховой накидкой. Но она брезгливо передёрнула плечами, и накидка соскользнула на круп лошади. Воин молча поднял её, аккуратно скрутил и положил на холку своего гоня.

– Подумаешь, оленя подстрелили, – произнесла юная охотница с издёвкой. – Вот, если бы медведя выследили... Кабана хотя бы... А безобидных зверюшек бить – только смешить Аргимпасу.

Её сопровождающий замычал, указывая куда-то в сторону.

–Я видела, тут, неподалёку, Аспандан с сыновьями гонят стаю волков. Пожалуй, присоединюсь к ним, – решила она.

–Скоро стемнеет, – предупредил её Саваг.

–Знаю! – безразлично ответила девушка, резко выпрямилась, ударила пятками коня по крутым бокам, заставляя того рвануть с места. Человек–скала помчался следом.

–Сумасшедшая, – усмехнулся Марк Валерий, присаживаясь у кучи хвороста, над которой начал подниматься уютный дымок. – Послушай, Саваг, – обратился он к юноше, раздувавшему пламя. – А если я твоему отцу предложил бы много золота, всё золото, что у меня есть, он отдал бы мне Дегизу? Как думаешь?

–Тебе? – не понял юноша. Случайно вдохнул дым. Зашёлся кашлем. Сердито нахмурил белёдые брови, стараясь унять приступ. Вымолвил сквозь кашель: – Зачем тебе Дегиза?

–Что за неистовая девчонка! Сердце так и тянется к ней! – восторженно произнёс Марк Валерий. – Она, словно юная Ипполита! А какая красавица!

–Дегиза – дочь вождя, – строго напомнил Саваг.

–Но я тоже из рода патрициев, – гордо ответил римлянин. – Мой дед и мой отец избирались трибунами. Мой дядя, Гай Валерий Триарий, назначен претором Азии. У меня огромное поместье недалеко от Рима с садами и виноградниками. Она бы стала знатной матроной.

–Нет, – коротко бросил юноша. – Дегизу тебе отец не отдаст.

–Отчего же?

Саваг откашлялся, протёр глаза.

–Дегизу уже пытались сватать. Один вождь сколотов предлагал табун в две сотни отличных лошадей. Сатрап города Танаис много оружия и золотых украшений присылал. Просил отдать Дегизу за одного из своих сыновей. Клялся, что тот будет любить её и оберегать. Отец не соглашается ни за какие дары.

–Я, наверное, чего-то не понимаю в ваших нравах, – пожал плечами Марк Валерий. – Почему вождь Азарион так дорожит дочерью? У нас отцы стараются быстрее избавиться от девочек. Сыновья, всё понятно, они – продолжатели рода, а дочери – обуза в семье.

–Вождю так велели боги, – поразмыслив, ответил юноша. – Да и сам рассуди: в степи жизнь иная. Посмотри на моих сестёр. Разве можно их назвать обузой? Что Зарика, что Дегиза – отличные охотницы. К тому же, прекрасно умеют объезжать лошадей. Надо будет, вместе с воинами в бой пойдут. А Дегизу отец любит больше всех нас. Балует. Позволяет многое. Не знаю, почему. Попробуй сам у него спросить. С меня бы плетью кожу содрал за те выкрутасы, что она вытворяет, а ей всё сходит. Она иной раз может учудить такое – только держись... Уж не знаю, кому она достанется. Не завидую я тому вождю, кто возьмет её в своё племя и поклянется перед матерью Табити любить и беречь Дегизу. Мы, братья, с ней еле уживаемся. Нрав у неё, словно у рыси. Она сама – рысь. Только Зарика как-то ладит с ней.

–Рысь? Почему ты назвал её рысью? – удивился Марк Валерий.

–Не я, жрецы уверяют, что в ней живет дух рыси, самого непредсказуемого и самого коварного зверя. Когда мы кочуем близко к горам, она любит одна ходить на охоту. Волков бьёт, лис, горных козлов... Но если ей попадается рысь, никогда не трогает. Да ты сам, коль

возьмёшь её в жёны, вскоре взвоешь. Я слышал, римские женщины должны быть кроткими и покорными. Дегизу тебе не усмирить. Не представляю её в роли послушной жены.

Зарика подошла к костру. Сложила рядом кучу хвороста. Юноша скинул с плеч меховую накидку, расстелил на земле, усадил на накидку сестру. Остался в одной куртке из толстой потёртой кожи. Широкий боевой пояс с медными круглыми бляхами стягивал его стан. На поясе короткий акинак в простых деревянных ножнах, обтянутых кожей.

–И что же может учудить неумолимая Дегиза? – всё допытывался Марк Валерий.

–Да хотя бы вот: прошлой зимой дело было. Мы с собаками ходили далеко в горы на медведя. Псы подняли косматого из берлоги. Опаснее проснувшегося арса – зверя нет. Мы только спешили, чтобы окружить медведя. Никто и ахнуть не успел, как Дегиза сама на него с копьём бросилась. Решила одна завалить.

–Одна? – не поверил Марк Валерий. – У неё хватило смелости?

–Она ничего не боится. Храбрая до безумия.

– И что же произошло?

– Видел, какая Дегиза лёгкая? Арс встал на задние лапы, пошёл на неё. Она зверя копьём ударила в грудь, а в сердце не попала, только разозлила. Медведь копьё сломал, да как врежет ей лапой! Дегиза шагов на пять отлетела. Хорошо, в толстой одежде была, мехом внутрь, и в плотной поддёвке из холста. Медведь когтями только кожу на плече разодрал.

– На неё потом не набросился? – испугался Марк Валерий.

– Собаки отвлекли. Собаки у нас умные – сами погибнут, но хозяина спасут. Да мы подоспели. Заметил, какая у Дегизы нянька? – напомнил юноша о человеке-скале. – У Гау любимое оружие – крепкая дубина. Зарика медведю стрелой горло пробил, а Гау своей дубиной череп ему раздробил... Я отцу рассказал всё, как было. Он разозлился, велел позвать Дегизу. И что? Прибежала, на колени упала, ноги его обняла – отец и растаял. Поднял бедняжку, усадил рядом. Всё охал: зверюга плечико поранил. Костоправа кликнул. Да ещё мне влетело за то, что сестру не уберег. Хотел Гау выпороть, так Дегиза разрыдалась, умоляла не наказывать няньку. Отец и его простил.

Огонь занялся над хворостом оранжевыми язычками. Жаркое пламя быстро пожирало тонкие прутья, превращая их в угли. Мамка вспорола брюхо оленю, вынула печень, принялась резать на маленькие кусочки. Развязала мешочек с солью и сушёными травами. Посыпала этой смесью куски печени. Зарика нанизывала их на прутики и держала над углями. От аромата печёного мяса у всех забурили животы.

– А кто она, эта ваша Мамка? – спросил Марк Валерий. – Почему всегда с вами на охоту ходит?

– Мамка когда-то ксаем была. И имя у неё другое было. Теперь его нельзя произносить: имя умерло вместо неё, – объяснил Саваг. – Свой отряд собирала в полсотни всадников. В набеги водила. В одном из таких набегов попала в засаду боспорцев. Когда отец подрос к ней на выручку, всех уже перебили. Думали, что и Мамка отправилась к Папайю в небесные степи. Её на сариссу поддели. Наконечник боевой пояс пробил и живот вспорол. Уже собирались всех в могилу сложить, да курган насыпать. Но тут вот, что случилось.... Отца в походах всегда жрец энерей сопровождает. Он раны лечит, хворь всякую заговаривает, помогает душам убитых к Папайю переправиться. И тут, когда воинов складывали в яму, жрец удивился: все покойники потемнели, а у Мамки щёки белые. Прислушался, а она дышит.

– Выходили?

– Как видишь... Только после рожать не могла. Сколько ни молились Великой Матери Табити, сколько жертв ни подносили – не дарует ей детей. А у нас, знаешь как: женщина без детей – что чумная.

– Почему?

– Считается, что от неё боги отвернулись. Таких женщин обычно изгоняют из племени, или они сами себя в жертву Матери Табиты приносят. Отец пожалел Мамку. Она ему сестрой приходится. Не родной, а в каком-то колене. Не посмел её выгнать. Вот с малолетства Мамка за нами и ходит.

– У вождя Азариона много детей?

– Много, – кивнул Саваг. – Нас – трое: я, Зарика, Дегиза. Ещё Кадзах, тот – старший. У него уже своя дружина. Кадзах после отца возглавит наших воинов. Младших детей – больше десятка.

Зарика сняла с огня прутик с поджаренными кусочками печени и подала Марку Валерию. Тот поблагодарил её, пытаясь заглянуть в глаза. Но серые очи Зарики оставались холодными. Она даже не подарила гостю смущённой улыбки. Затем сняла другой прутик, подула на мясо, остужая. Стянула с прутика один кусочек, бросила в огонь, тем самым поблагодарила богов за пищу и принялась кормить Савага. Осторожно снимала кусочки печени с прутика, дула на них, потом клала в рот юноши.

– Почему она тебя кормит? – удивился Марк Валерий.

– С детства привыкла. Хоть и младше меня на полгода, но считает себя старшей.

– На полгода? – не понял посланник Великого Рима. – Вы что, от разных матерей?

– Так, мы все от разных матерей, – подтвердил юноша. – Кадзах, старший, тот от Амомайи. Она – двоюродная сестра отца. Ты видел её. Амомайя – старшая жена. Когда отец с воинами уходит в поход, на ней лежат заботы о племени. Мою мать привезли с севера. Говорят, там, где она родилась, почти круглый год лежит снег. А за лесами начинаются запретные земли. В них живут крылатые звери. Они охраняют горы, в которых боги прячут несметные сокровища. Мама умерла вскоре после родов.

– А милая Зарика от кого? – осторожно спросил римлянин.

Девушка коротко на него взглянула, но лицо её ничего не выражало. Она продолжила заботливо кормить брата. Тот, проглотив очередной кусок, объяснил:

– Её мать редко бывает в становище.

– Ширд, – тихо поправила Зарика.

– Ширд имеет свой отряд в три десятка всадников. Делает набеги на западные племена или сопровождает торговцев, если ей хорошо платят. Появляется у нас раз в полгода.

– В год, – опять тихо поправила Зарика и твёрдо добавила. – Я люблю её.

– Почему Ширд не останется подле вождя? Зачем ей постоянно ходить в походы?

– Ширд – белая жрица Аргимпасы, – тихо произнесла Зарика. – Белая жрица не умеет быть женщиной.

– Как это? – ничего не понял Марк Валерий. – Что значит у вас: быть женщиной?

– Готовить для мужчин, шить одежду, детей воспитывать, – объяснил юноша. – Белые жрицы предназначены для другого.

– Для чего же?

– Для битвы. Ширд – отличный воин. Она хитра, отважна. Её любит Аргимпаса. Ширд со своим отрядом доходила до последнего моря. Была в далёких северных краях, куда Фагимасад летает весной вместе с гусьями.

– Ты тоже жрица Аргимпасы? – обратился Марк Валерий к Зарике.

– Нет, – еле слышно произнесла она, отвернувшись, давая понять, что не намерена отвечать на подобные вопросы.

– Стать белой жрицей не так-то просто. Надо пройти сложные испытания. Вначале необходимо получить пояс богини. А чтобы получить этот пояс, Аргимпаса требует принести в жертву голову врага, убитого в честном бою, – объяснил Саваг. – Но это – только первое испытание.

– Но я слышал, что Зарика тоже жрица, – припомнил Марк Валерий.

– Она служит Фагимасаду. Мудрый бог одарил её способностью понимать лошадей. Зарика разговаривает с ними.

– Неужели! И как ты с ними говоришь, Зарика? – удивился Марк Валерий.

– Как с тобой, – просто ответила девушка. – Лошади добрые. Они всё понимают. Позволяют нам жить рядом. Кормят нас.

Увидев недоумение на лице Марка Валерия, Саваг попытался ему растолковать:

– Великий и могучий Фагимасад подарил степным людям лошадей. Мы без них не выживем. Лошади – главное богатство степного народа. Если Фагимасад гневается на людей, он забирает у племени лошадей: насылет мор или приказывает волкам угнать табун. Без табунов племя вскоре вымирает. Если же люди вымирают, лошади сами по себе пасутся. В степи можно встретить дикие табуны. Иногда они прибывают к нашим табунам. Лошади скучают без людей. А ещё бог Фагимасад передаёт через них нам послания. Но лошади говорят только с теми, кто их понимает. Зарика обладает таким даром.

– А, вот, скажи мне, – попросил Марк Валерий, – удивительное дело: что ты, что твоя сестра – светловолосые, сероглазые. Кожа у вас белая, как снег. Почему Дегиза смуглая? Глаза у неё тёмные, словно ночь, а волосы, будто крыло ворона.

– Дегиза не из нашего племени. Она досталась отцу как добыча, – объяснил Саваг. – Как-то чужой народ кочевников со стороны восхода появился в наших степях. Отец приказал им убраться. Но они пригрозили сами нас прогнать. За рекой Танаис произошла кровавая битва. Племя пришлых сражалось мужественно, но мы оказались сильнее. Их воинов всех перебили. Они не сдавались и держали оружие в руках, пока не умирали. Когда отец ворвался в их становище, женщины резали собственных детей, а потом убивали себя. Отец чудом успел вырвать из рук обезумевшей матери Дегизу. Женщина готова была вспороть младенцу горло. Но когда у неё отобрали ребёнка, вогнала нож себе в сердце. Мать Дегизы была женой вождя. В Дегизе течёт божественная кровь.

– Постой! Не пойму: Дегиза – невольница? – удивился Марк Валерий.

– Что ты такое говоришь! – возмутился Саваг. – Дегиза была дочерью вождя. Я же тебе только что объяснил. Отец похоронил вождя после битвы и назвал братом. Так завещали нам предки. Так требуют боги. После этого Дегиза стала его дочерью. Чаша из черепа вождя всегда стоит на пирах подле отца, значит и дух его присутствует с нами.

– Да, – покачал головой римлянин. – Мне трудно понять ваших обычаев. – Скажи мне, а этот немой слуга, что вечно за ней ходит, он откуда? Здоровый, рыжебородый. Он точно не из вашего народа.

– Гау? С севера. Его Ширд привела. Она где-то в верховьях Борисфена набег делала: разоряла селения, да людей уводила для продажи в Пантикапей. Рассказывала, как на узкой лесной тропе их встретил Гау. Стоял с дубиной и защищал своё селение. Пятерых воинов насмерть уложил. Его еле свалили. Хотели там же, на месте прибить, но Ширд жалко стало такой хороший товар терять. За сильного живого-убитого в Пантикапее хорошо платят. Она его взяла с собой. Гау, весь израненный, несколько раз пытался убежать. Силища огромная. Верёвки перегрызал, словно нитки. Ловили, наказывали. В становище приволокли еле живого. За хвост коня привязали и так тащили несколько дней. Он раньше говорил, но от пыток у него язык отнялся.

– Как же он оказался в опекунах у дочери вождя? – Марк Валерий чуть не подавился от ужаса.

– Скупщики рабов из Пантикапея сказали, что его никто не купит. Боспорцам нужны послушные живые-убитые, а этот буйный. Тогда Ширд решила принести его в жертву богам на празднике Фагимасада. Соорудили из хвороста Священный холм, сверху положили Гау вместе с подношениями и подожгли. Так он высвободился. Из пламени выскочил, схватил горящую палку и давай крушить всех направо и налево. Когда его утомнили, жрец энерей сказал, что

Фагимасад не желает подобной жертвы. Такой буян и в Небесных степях не нужен. А просто убить его нельзя: Фагимасад разгневется. Коль не принял его на жертвенном костре, зная не время ему умирать.

– Что же дальше было?

– Долго решали, как поступить с непокорным. Отпустить, так куда он пойдет? Оголодает, в зверя превратится и будет разбоем заниматься. Восьминогим в подмогу отдать? Так, те его боятся. Ксаем сделать? Воины были против: не нужен им чужак. Да и кто его в свою семью примет? Тогда отец взял Дегизу на руки, она тогда младенцем была, подошёл к Гау и вручил ему ребёнка.

– О Марс непобедимый! – воскликнул Марк Валерий. – Вот так просто взял и отдал? Почему он это сделал? Неужели не испугался за жизнь Дегизы?

– Вождю подсказывают боги. Он всё делает по их велению, – уверенно ответил Саваг. – Как видишь, с той поры Гау заботится о Дегизе не хуже родной матери. Даже нам иной раз завидно. Всё для неё делает. Все капризы её исполняет. Оберегает, как собственного ребёнка.

Угли потрескивали. Кони фыркали. У Зарики в руках появилась тонкая тростниковая флейта. Девушка приложила дудочку к губам. Над степью разлилась мягкая жалобная мелодия, словно дым, уходящий в небо, словно скорбь над полем затихшего сражения, словно голоса дочерей Фагимасада, зовущих души погибших воинов в Небесные степи.

– Красивая мелодия, – прошептал Марк Валерий. – Но мне от неё почему-то жутко.

Тревога

– Что вы тут расселись? Живо – на коней! – Словно ураган из темноты вылетела Дегиза. Конь в мыле, бешено вращал глазами. – Скорее!

Юноша подскочил, схватил копьё. Зарика мигом оказалась на ногах, уже вкладывала стрелу на тетиву. Ромей обнажил гладиус. Мамка кинулась к лошадям.

– Чего раскричалась? – Саваг, огляделся. Вокруг всё спокойно. Потребовал: – Объясни!

– Там, у реки, на торговый караван напали! – выпалила Дегиза, поправляя лисью шапку, съехавшую на лоб.

– Кто?

– Не знаю. Разбойники.

– Много разбойников?

– Не считала. Десятка два или три.

– На нашем берегу?

– На нашем.

– Плохо! Мы обязаны защитить торговцев, – решил Саваг, но сам толком не знал, как поступать.

– Так чего медлите? На коней! – требовала Дегиза.

– У тебя скакун самый быстрый, – решил Саваг. – Мчись в становище к вождю.

– Не поеду! – гневно воскликнула Дегиза. – Пока я доберусь до становища, пока воинов подниму, пока обратно – к рассвету только успеем. Надо самим справляться! – Она нетерпеливо повернула коня. – Идите за мной.

Юноша обернулся к римлянину:

– Марк Валерий, подожди нас здесь.

– Что ты задумал? – римлянин схватил Савага за руку. – Ты надеешься справиться с двумя десятками разбойников? Вас всех перебьют! Ты хоть раз участвовал в настоящей битве?

– Нет, – неуверенно ответил Саваг. – Но я ходил с отцом в набеги два раза.

– В набеги, – усмехнулся Марк Валерий. – И как ты думаешь впятером одолеть два десятка? Я бы не советовал вам лезть в драку.

– Но мы должны защищать торговцев, – не соглашался Саваг. – У нас договор с боспорцами.

– Пойми, вас всего пятеро, а из воинов – только Гау и Мамка, если их можно назвать воинами. Не суйтесь, – настойчиво советовал Марк Валерий.

– Что же я потом скажу отцу? Струсил? – удивился Саваг. – Степной воин должен держать слово и ничего не бояться. Останься здесь, Марк Валерий. Я отвечаю за тебя перед отцом. Ты наш почётный гость. Если мы не вернёмся к Луне, не жди нас. В стороне восхода увидишь курган, на нём стоит каменная баба. Иди в её сторону – выйдешь к нашему становищу. Прощай!

– Остановись, Саваг! Поверь мне, как опытному легионеру: вы ничем не можете, – горячо спорил Марк Валерий.

– Мы должны! – твердил Саваг.

Он вскочил на коня. Марк Валерий последовал за ним.

– Останься, – попросил Саваг. – Это наше дело.

– Ну, нет! – воскликнул сердито римлянин. – Ты ещё ходить учился, а я, Марк Валерий, уже водил в атаку когорту прославленного четвёртого легиона. И не уговаривай меня остаться, иначе я посчитаю твою просьбу за оскорбление.

– Но если с тобой что-нибудь произойдет...

– Не смейся Марса! – оборвал его римлянин. – Предлагаешь мне ждать, пока вас всех перережут? Я иду с вами!

Юноша был вынужден уступить.

– Мамка! – позвал Саваг. – Где-то поблизости Аспандан с сыновьями охотится. Зови в помощь.

Женщина, не говоря ни слова, умчалась в степь.

– Сколько у Аспандана сыновей? – поинтересовался Марк Валерий.

– Десять, – ответил Саваг. – Аспандан самый опытный воин в нашем племени, и сыновья под стать ему.

– Будем надеяться, что подоспеет вовремя. – Марк Валерий тронул коня.

Схватка у реки

Степь незаметно накрывали сумерки. Небо опустилось низко. Повалил снег, густой и пушистый. Дегиза ехала первой, внимательно прислушиваясь. Крепко сжимала в руке копьё. Горячий конь под ней рвался вперёд. Она его еле сдерживала. Саваг пытался хоть что-то разглядеть в кружащих снежных вихрях, но ничего не разобрать на десять шагов.

– Как бы с пути не сбиться, – тревожился Марк Валерий. – Не повернуть ли нам назад.

– Тише! – шикнула Дегиза. – Туда! – уверенно указала она.

Пробираясь по оврагу ближе к реке, всадники услышали отдалённый шум битвы. Увидели тёмный бугор. Бугром оказалась лошадь Гау. Сам Гау сидел на холмике, в зарослях облептевшего кустарника и наблюдал за тем, что происходило внизу. Чернела гладь извилистой реки. Возле самой воды кипел жестокий бой. Хорошо разглядеть схватку мешала снегопад.

Три большие, тяжёлые повозки на сплошных деревянных колёсах стояли у самой кромки воды. В каждую впряжены по четвёрке высоких волов. Последний воз задними колёсами ещё оставалась в реке. Судя по множеству лежавших изувеченных тел, бой быстро подходил к печальному концу. Носились ошалевшие лошади без седоков. Всадники добивали нескольких пеших воинов, прижатых к телегам. Разбойники уже принялись разворачивать волов, чтобы угнать возы на другой берег.

Дегиза резким движением сорвала со спины лёгкий овальный щит из сплетённых ивовых прутьев и надела его на левую руку. Правой покрепче ухватила копьё. Напряглась, припала к холке коня, готовая ударить скакуна пятками в бока и ринуться в бой.

– Остановись! – уловил её движение Саваг.

– Почему? – возмутилась она. – Самое время напасть!

– Аспандан ещё не подоспел, – объяснил юноша.

– Да сколько его ждать? – не терпелось Дегизе. – Смотри, разбойники сейчас добьют последних охранников и угонят повозки.

– Марк, останься, – ещё раз попросил юноша. – Отец с меня кожу сдерёт, если тебя хотя бы оцарапают.

– Посмотри внимательней: сколько охранников ещё сопротивляются? – спросил Марк Валерий.

– Уже ни одного, – сказал Саваг. – Бой закончен. Мы попробуем их задержать, пока не подоспеет Аспандан.

– Что ж, коли всех охранников перебили, можно вмешаться! – прорычал легионер. Скулы его окаменели, в глазах вспыхнула отвага. – Я чувствую запах крови, и меня не остановит даже Юпитер. Только, вот, на коне я воевать не умею. А пешим пусть попробуют меня одолеть. – Он соскочил на землю. – Не беспокойся за меня, Саваг. Я их отвлеку, а вы пройдите дальше по оврагу и внезапно атакуйте.

Марк Валерий привычным легким движением вынул из ножен гладиус и двинулся вперёд твёрдым, уверенным шагом.

– Куда ты? – с ужасом окликнул его Саваг, но римлянин продолжал быстро спускаться к реке.

– Эй, варвары! – закричал Марк Валерий. – Хотите изведать крепкой руки настоящего воина Рима?

Разбойники, добив последнего караванщика, с удивлением обернулись. Один из них подъехал к Марку Валерию, замахнулся копьём. Но легионер ловко увернулся и ударил коня гладиусом в морду. Животное шарахнулось назад, повалилось вместе с всадником. Остальные растерялись. Но замешательство длилось недолго. Тут же человек пять бросились к Марку

Валерию с копьями наперевес. Марк Валерий пригнулся, готовый вступить в схватку. Внимательно наблюдал за противниками. Против пятерых ему не выстоять, и думать нечего. Он начал пятиться, ища хоть какую-нибудь защиту.

– Так это ты? – удивлённо воскликнул один из разбойников. – Зачем ты здесь?

Нападавшие остановились.

– Ты говорил: будут только торговцы без охраны, – вдруг начал упрекать его разбойник. – Посмотри, сколько людей я потерял из-за тебя!

– Зачем вы позволили каравану переправиться? Не могли напасть на той стороне? – в свою очередь набросился Марк Валерий на главаря.

– Если бы это были просто торговцы, мы бы так и сделали, но наткнулись на хорошо вооружённых воинов, – кипел гневом главарь. – Ты должен мне доплатить за обман, ромей.

Он хотел ещё что-то сказать, но в это время из снежной завесы, словно камень, пущенный с пращи, вылетела Дегиза на своём высоком чёрном коне. Разбойник крикнул и вылетел из седла. Наконечник копья вспорол ему горло. Удар был настолько сильным, что древко треснуло. Дегиза дико взвизгнула. Отбросила обломок копья. Выхватила боевой топорик на длинной рукояти и, описав круг, вновь погнала скакуна на врагов.

– Сумасшедшая! – выругался Саваг. – Её сейчас собьют. Зарика! – крикнул он сестре. – Прикрывай! – А сам рванул вперёд, сдавив ногами бока коню.

Дегиза, как и предполагал брат, вылетела из седла от сильного удара копьём. Всадник, что сшибся с ней, был раза в два крупнее. Дегиза успела закрыться. Копьё противника сорвало с её руки плетёный щит. Она кувыркнулась через голову, но тут же вскочила на ноги. Топор не выронила. Разбойник ринулся добить её, но Дегиза каким-то неуловимым движением резко отпрыгнула в сторону, чуть не попав под копыта. Наконечник копья скользнул по голове, сорвав лисью шапку. Дегиза извернулась и вогнала топор всаднику сбоку под рёбра. Тот взвыл от боли и досады, развернулся. На этот раз он не промахнётся. В этот миг рядом, как из-под земли, вырос Гау на могучем коне, вращая над головой тяжёлую дубину. Разбойник пытался прикрыться щитом. Это его не спасло. От сокрушительного удара он распластался в снегу под копытами своего коня. Подоспел Саваг, сцепился с одним из нападавших.

Остальные разбойники бросили телеги и начали их окружать. Марк Валерий дрался умело, ловко орудуя гладиусом, словно клинок был продолжением его руки. Гау отмахивался дубиной, а Дегиза выскакивала у него из-за спины и рубила топором. Савага сшибли. Его охотничье копьё треснуло. Он отбросил бесполезное древко, вынул из ножен акинак. Саваг понял, что простоят они недолго. Разбойников было больше, и бились они, как настоящие степные воины. Пропела стрела. Одному нападавшему впилась в глаз. Он дико взвыл и упал. Второй захрипел с пробитым горлом. Зарика, взобравшись на возвышенность, разила метко, несмотря на густой снегопад. Заметив стрелка, в её сторону кинулись двое всадников. Зарика тронула коня, понеслась. Разбойники за ней. Девушка резко развернулась. Один из преследователей схватился за лицо и упал. Но второй пригнулся к холке и продолжал погоню.

Вдруг, словно порыв ветра, мимо пронеслась на коне Мамка. Петля затянулась на шее разбойника, и он оказался сдёрнут на землю. На поле боя с грозным кличем племени Быстрых Лис влетел Аспандан с сыновьями.

Уцелевшие разбойники бросились в реку, стараясь по мелководью перебраться на другой берег. Им вслед летели угрозы и насмешки.

Саваг, тяжело дыша, поблагодарил Аспандана, старого могучего воина:

– Вовремя ты пришёл. Ещё немного, и нам всем тут лежать замертво.

Отыскал взглядом римлянина. Тот был на ногах, но стоял как-то неуверенно:

– Марк Валерий, ты не ранен? – забеспокоился юноша.

– Ерунда, – усмехнулся ромей. – В бедро копьём ткнули. – Тут же успокоил: – Не сильно. Видишь, даже ходить могу.

– Залезай на коня. Мамка, помоги ему. – Саваг обернулся к сестре. – Зарика?

Та махнула рукой – в порядке.

Подошёл к Дегизе.

– По голове получила, – пробурчала она, поднимая из снега свою лисью шапку. Чёрные густые пряди на макушке слиплись от крови.

– Сильно?

– Нет. Проклятье! Теперь волосы состричь придётся!

– Отец меня опять ругать будет! – рассердился Саваг. – Чего полезла, нас не дождав?

– Прости, брат, – зло ответила Дегиза. – Не стала ждать, пока Марка Валерия прикончат.

– Ты сам как? – спросил у Савага римлянин.

– Левый бок не чувствую. Как бы рёбра не сломал.

– Если бы сломал, дышать не смог, – успокоил его Марк Валерий.

– Отгоните телеги! – попросил юноша Аспандана и его сыновей.

– Убитых торговцев здесь оставим? – не понял Марк Валерий. – Хоть узнать, откуда они прибыли.

– Из Пантикапея. Откуда ещё? – уверенно ответил юноша. – Здесь одна дорога из Пантикапея в Танаис. Пришлём завтра восьминогих, они их захоронят. Надо поглядеть, может кто из них ещё жив.

Саваг заметил, как возле одной из телег зашевелилось тело. Человек хотел встать. Его рука цеплялась за колесо. Юноша подбежал к раненому. Человек что-то пытался сказать, но ему мешала кровь, которая пузырилась на губах и сбегала тонкой тёмной струйкой на бороду. Саваг наклонился ближе. Из горла раненого доносилось только бульканье. Рядом возник Марк Валерий.

– Не пойму, что он говорит, – пожал плечами Саваг.

– Я побуду с ним, а ты посмотри, может кто ещё выжил.

Как только Саваг отошёл, римлянин схватил за горло раненого и сильно сжал. Тот захрипел, дёрнулся и обмяк.

– Все мертвы, – сказал Саваг, вернувшись.

– И этот бедняга отошёл, – с сожалением вздохнул Марк Валерий.

– Ты понял, что он хотел нам сообщить?

– Вроде о золоте в повозках... – пожал плечами Марк Валерий, за тем взглянул за реку. – Уходить надо. Вдруг разбойники воротятся с подмогой.

Саваг поймал своего коня. Осмотрел. Ноги целы, не ранен. Это хорошо.

– Дегиза, как твой конь? – спросил он.

– Когда сшиблись, ударился сильно. Вон как дрожит. Испугался, бедняга.

– Тогда вместе с Зарикой поймайте лошадей разбойников и скачите вперёд. Мы за вами.

– Я без трофея не уйду, – вдруг заявила Дегиза.

– Что ты ещё удумала? – начал злиться брат.

– Я убила первого своего врага и должна поднести его голову Аргимпасе. Ого, какой здоровый, как Гау, – указала Дегиза на распластавшегося в снегу разбойника. Каурый конь склонился над хозяином и испуганно поводит ушами. – Это я его, – похвасталась девушка. – Копьём в горло.

Она оттянула за волосы голову убитого и хрястнула топором по шее, стараясь перерубить позвонки. Подоспел Гау и одним взмахом широкого ножа отделил голову несчастного от тела. Девчонка с радостным визгом бросилась к своему коню и принялась привязывать трофей к чепраку. Конь испуганно захрапел и попятился.

– Стоять! – рявкнула Дегиза. Потом погладила испуганнее животное по морде и ласково сказала: – Прости, Аго. Ну, чего ты боишься? Всего лишь – мёртвая голова. Это же наш с тобою первый трофей!

Гау на пальцах стал объяснять Дегизе, указывая в сторону густого кустарника.

– Где? – встрепелась она. Обернулась к Савагу. – Мы вас догоним.

– Не смей! – прикрикнул юноша. – Не ровен час, разбойники вернутся.

– Тут недалеко! – не послушалась девушка. Ловко взлетела на коня и направилась к густым заросли лещины.

– Надо её вернуть, – с досадой сказал Саваг Марку Валерию. – Голова разбита. Ещё в обморок свалится.

Он поехал вслед за взбалмошной сестрой и её немым опекуном. На небольшой полянке валялись трое мертвых разбойника и здоровый воин, облачённый в панцирь из металлических пластин.

– Доспехи богатые, – оценила Дегиза, указывая кивком на воина. – Странно, что каких-то торговцев охранял ксай. Это даже не простой ксай. Похож на военачальника из Пантикапея. Помнишь, приезжал к отцу такой же. Важный, с охраной. У него тоже были такие доспехи.

Темнота к тому времени начинала сгущаться. Саваг едва смог рассмотреть лежащего человека. По чёрному неровному пятну, расплывшемуся на снегу, понял, что воин лежит в луже крови.

– Вон! Вон там! – закричала Дегиза, указывая в кусты.

Гау свалился с лошади и нырнул в заросли. Раздался истошный визг. Здоровяк появился из кустов, неся на руках чьё-то тело.

– Смотри, девчонка! – засмеялась Дегиза. – Ты что, придушил её? – строго спросила она Гау.

– Да кого вы там ловите, – подъехал к ним Саваг.

Гау показал ему кокон из длинной меховой одежды. От кокона исходил странный тонкий аромат. Саваг заметил бледное гладкое личико с закрытыми глазами.

– Девчонка, – уверенно сказала Дегиза. – От страха сознание потеряла.

Но разглядывать пленницу не было времени.

– Уходим, – поторопил юноша сестру.

Снегопад прекратился внезапно. Ветер разогнал тучи и позволил печальной луне смотреть на заснувшую землю. Марк Валерий, Зарика и Мамка поджидали Савага с Дегизой у костра, на том самом месте, где недавно завалили оленя. Сюда же пригнали повозки. Мамка деловито осматривала содержимое массивных деревянных сундуков. Извлекая какое-нибудь металлическое блюдо с чеканным узором, она качала головой и восхищённо цокала языком. Ахнула, когда раскопала длинный меч в серебряных ножнах. Внимательно обнюхивала одежду из дорогой материи.

– Когда узнаем, чей товар, торговцы нам щедро заплатят, – сказал юноша старому воину Аспандану. – Но, если бы не ты с сыновьями, нас бы перебили, а телеги угнали. Думаю, ты имеешь право взять из сундуков всё, что захочешь.

– Мне коней достаточно, – безразлично ответил могучий Аспандан, поглаживая седую бороду. – Ну, если только котёл медный найдётся в поклаже.

– Тут только золото и серебро, – разочаровала его Мамка.

– Золота мне не надо. Я коней заберу, – решил старый воин.

– Как думаешь, Аспандан, кто эти разбойники? – спросил Саваг.

– По виду – степняки, – ответил воин. – Не разглядел их хорошенько – снег валил. По одежке, похоже, из здешних краёв. – Ещё немного поразмыслив, пожал плечами. – Кто его знает. Нынче по степи всякий народец шастает.

Марк Валерий грел руки у костра. Зарика ножом распорол ему анаксириды и осторожно перевязывала раненую ногу стеблями высушенной конопли.

– Ну как тебе первый бой? – спросил римлянин у подошедшего Савага. – Руки трясутся?

– И руки, и ноги, – согласился Саваг. – До сих пор нахожусь, как во сне. – Бок словно деревянный.

– Завтра отойдёшь, – усмехнулся Марк Валерий. – Помню своё первое сражение. Там не разбойники были, а настоящие воины. Вокруг звон металла, треск копий, лошади носятся, крики, стоны. Даже не припоминаю, как всё закончилось. Только на следующий день в себя пришёл. Ветераны надо мной смеялись: кто-то от крови отмывался, а я от собственного дерьма. Да, и такое бывает с новобранцами. А ты держался молодцом, – дружески хлопнул он Савага по плечу.

– Клади её ближе к костру. Хочу хорошенько разглядеть, – приказала Дегиза Гау.

– Никак с добычей, – удивился Марк Валерий, и во взгляде его промелькнуло беспокойство.

Гау снял с холки лошади маленькое тело в меховых одеждах и положил на снег возле костра.

– Девчонка. Хорошенькая, – оценил Марк Валерий. – Да ей двенадцати нет. Неужели дочь богатого торговца? Сможешь обменять её на хорошего коня.

– Красивая, – согласилась Дегиза, взглянув в смуглое лицо пленницы.

– На две козы можно выменять, – усмехнулась Зарика. – У торговцев обычно дочери пухленькие, откормленные, а она больше на храмовую танцовщицу похожа.

Дегиза уселась рядом с добычей на корточках.

– Служанкой своей сделаю, – решила она. – Зачем мне коза?

– Слабая, – заметила Зарика. – Посмотри, какие у неё тонкие ручки. Она даже кобылицу не сможет выдоить.

– Думаешь? – Дегиза ошупала колени пленницы, потом лодыжки. – Ничего, я её откормлю. Она, просто, маленькая. Если через год не помрёт, будет хорошей служанкой. Дёрнула за рукав сестру. – Посмотри, что у меня с головой.

Зарика раздвинула у Дегизы на макушке пряди жёстких волос. Осмотрела рану.

– Ерунда.

Пленница, между тем, очнулась. Вздохнула со стоном, открыла глаза и удивлённо огляделась.

– В себя приходит. Ну-ка живо поднимайся! – прикрикнула на неё Дегиза.

Пленница резко села, сжалась в комок и заплакала.

– Тихо! Ныть ещё будешь! – разозлилась Дегиза.

– Не похожа она на простолюдинку. Лицо нежное, благородное, – внимательно рассмотрел пленницу Саваг. – Погляди, наряд у неё из дорогого меха. Ожерелье золотое.

– Ожерелье – моё, – Дегиза бесцеремонно сорвала с груди девочки украшение. – А лицо подправить надо. Это ведь плохо, когда служанка такая же красивая, как и её госпожа? Гау, держи голову, я ей глаз один выколю или шрам сделаю на лбу. – Она достала нож, притороченный к бедру. Гау зажал в широченных лапах, как в тисках, голову пленницы. Девочка тонко завизжала.

– Не смей! – крикнул Саваг и оттолкнул Гау.

Пленница вскочила на ноги, вцепилась в грудь юноши, ища защиты. Вся дрожала и всхлипывала.

– Она – моя. Что хочу с ней – то и творю. Отдай! – зло потребовала Дегиза. Медленно поднялась, угрожаясь держа нож перед собой.

Саваг прижал пленницу к себе. На пути Дегизы встала Зарика.

– Спрячь! – указала она на нож.

– Всё равно я ей глаз выколю, – пробурчала Дегиза. Вогнала оружие обратно в ножны. Обиженная села возле костра. Набычилась. Взглянула на брата исподлобья. – Чего ты её жалеешь? Я – твоя сестра, а она кто?

– Мы не знаем, кто она, – объяснил Саваг. – А ты ей сразу в глаз ножом тычешь.

– Не советовал бы я трогать пленницу, – произнёс Марк Валерий, внимательно рассматривая оброненное ожерелье. – Погляди, нет ли у неё на руках перстней? – попросил он юношу.

Девочка тряслась, всё ещё прижимаясь к груди Савага. Юноша осторожно взял тонкую холодную кисть. Пальчики маленькие, хрупкие.

– Золотой перстень с агатом, – сообщил он. – Рисунок на камне.

– Что за рисунок? – Марк Валерий насторожился.

– Львиная голова. Над ней звезда с хвостом.

– Звезда с хвостом? – глаза римлянина недобро сверкнули, словно у волка в ночи. – Я покупаю девчонку! – резко сказал он. – Даю сто ауресов.

Дегиза пристально посмотрела Марку Валерию в лицо, пытаясь прочесть его мысли. Заподозрив неладное, произнесла:

– У тебя нет столько монет.

– Я достану! Клянусь! – твёрдо пообещал римлянин.

– Зачем тебе эта девчонка? – насторожился Саваг. Он тоже почувствовал: Марк Валерий что-то знает, но пытается скрыть. – За ту сумму, что ты предлагаешь, можно купить два десятка отличных коней.

– Не води нас за нос, – потребовала Дегиза. – Говори, кто эта девчонка, или я ей сейчас вспорю горло.

Она вновь потянулась за ножом.

– Не вздумай! – испугался Марк Валерий. – Я, правда, не знаю. Но посмотри на ожерелье. Оно стоит не меньше сотни драхм. Да спроси ты её сама.

– Как тебя зовут? – обратился Саваг к девочке на эллинском.

Та подняла на него большие испуганные глаза, но продолжала молчать.

– Не понимает, – сообразил Марк Валерий. – Спроси её на персидском.

– Персидского я не знаю, – пожал плечами Саваг.

Вдруг вдалеке послышался топот копыт и ржание лошадей. В темноте заплясали огни факелов. Приближался большой отряд всадников.

– К оружию! – крикнул юноша и, отпихнув от себя пленницу, схватился за акинак.

– Эй, кто там к оружию призывает? – раздался недовольный оклик.

Вскоре из темноты на свет костра вынырнуло около двух десятков степняков на сильных приземистых лошадях.

– Кадзах, – узнал юноша старшего брата. – Хранит тебя Савр! Ты чего в такой поздний час в степи делаешь?

– С дружиной ходил вдоль реки, – ответил крепкий молодой воин в накидке из медвежьей шкуры. – Смотрю, младший сын Аспандана несётся, словно от волков удирает. Сказал, что вы у реки сцепились с бродягами.

– Да, я отправил младшего сына в становище, – кивнул старый воин. – Мы же не знали, сколько разбойников.

– Гляжу, сами справились. Все целы? Где Марк Валерий? – забеспокоился Кадзах. – Отец за него голову оторвёт.

– Жив я, – откликнулся римлянин. – Спасибо за заботу, благородный Кадзах.

– Вижу, славно поохотились. Чьи возы? – успокоившись, спросил Кадзах.

– Разбойники у реки торговцев ограбить хотели. Мы отбили караван, – ответила Дегиза.

– О Фагимасад разящий! – гневно воскликнул Кадзах. – Нет от них покоя, так ещё на нашем берегу грабят. Кто-нибудь из торговцев остался в живых?

– Их всех убили, – с сожалением ответил Саваг.

– Великая мать Табити! – сокрушённо покачал головой Кадзах. – Совсем дела плохи. Надо сообщить вождю Азариону, пусть отправляет гонца в Пантикапей.

– Почему вы так переживаете из-за каких-то торгашей? – не понимал Марк Валерий.
– Потому что у отца договор с Боспором. Мы должны охранять торговый путь, который проходит по нашим пастбищам, – объяснил Кадзах. – Если на караван напали – это наша вина.
– Вот, посмотри! – Дегиза показала голову разбойника, висевшую на её чепраке. – Это я его...

– Ты? – с сомнением произнёс Кадзах, подъехав ближе. Попросил одного из воинов посветить факелом. – Неужели сама?

– У кого хочешь спроси, – обижено воскликнула Дегиза.

– Наша Дегиза сражалась, как зверь, – подтвердил Аспандан. – Её победа.

– Он не разбойник, – Кадзах переменялся в лице. – Ну, сестра, натворила ты дел.

– Объясни! – насторожилась Дегиза.

– Ты убила ксай, – сказал Кадзах.

Саваг подошёл ближе.

– С чего ты решил?

– Видишь: затылок вытянутый, виски выбриты, – пояснил Кадзах. – Вы разве сразу не заметили, с кем бились?

– Не разглядели, – пожал плечами Дегиза. – Смеркалось, и снег валил. Если это ксай, почему одет был, как восьминогий? Ни доспехов, ни шлема, даже без боевого пояса.

– Согласен, – кивнул Саваг. – Что-то здесь странное. Ксай, пусть даже на охоте, должен хотя бы свой пояс носить. А они выглядели, словно степные бродяги.

– Хочу осмотреть место битвы, – решил Кадзах. – Саваг, проводи.

Отряд Кадзаха поскакал к реке, где недавно пролилась кровь. Зарика усадила пленницу возле огня. Протянула ей походную флягу с водой. Сама пристально смотрела на Марка Валерия. Тот не выдержал взгляда.

– Почему ты так странно смотришь на меня?

– О чём ты говорил с главарём разбойников? – тихо спросила она.

– Тебе показалось, – уверенно соврал ромей. – Я потребовал, чтобы они убрались....

Пытался отвлечь их внимание на себя, чтобы они вас не заметили.

Зарика сделала вид, что поверила.

Саваг показывал дорогу. Дегиза нагнала их. Кадзах слез с коня, взял у одного из воинов факел, принялся осматривать убитых.

– Не похожи они на торговцев, – сказал он. Присел возле караванщика, лежащего с пробитой головой. С трудом разжал у мертвеца очоженевшие пальцы, высвободив рукоять меча. Протянул меч Савагу. – Взгляни, как кромка отведена идеально. Так только опытный воин может точить.

– В повозках везли золотую посуду, ткани дорогие. Может, наняли городскую стражу? – предположил Саваг.

– Утром разберёмся, – решил Кадзах.

– К оружию! – воскликнул один из всадников, показывая за реку.

Приближались огни. Вскоре послышался топот. Полсотни верховых с факелами показались на том берегу.

– Остановитесь! – крикнул Кадзах приближавшимся. – На этом берегу земли племени Быстрых Лис.

– Мы с миром, – донеслось из-за реки. – Клянусь конями Фагимасада.

– Чем докажешь?

– Мы оставим копья и безоружными перейдём реку. Аргимпасу беру в свидетели.

– Зачем вы пришли?

– Забрать тела наших воинов.

- Так это вы напали на караван?
- Я объясню, – ответили с того берега.
- Хорошо, – согласился Кадзах.

С десяток всадников, отдав свои копья и мечи товарищам, пустили коней в воду. Вскоре перешли реку вброд.

– Моё имя Катиар. Я сын вождя племени Серых Соколов.

Воин был невысок, но плечист. На вид ему было столько же лет, сколько и Кадзаху.

– Как вы посмели напасть на торговцев, да ещё на нашем берегу? – упрекнул его Кадзах. – Разве Серые Ястребы не клялись перед костром Фагимасада не нарушать границ?

– Мой брат Наракон поступил подло, – мрачно согласился Катиар. – Признаю: он нарушил договор. Но, сам видишь, его за это покарал Фагимасад. Многие из его отряда погибли. Он сам где-то здесь лежит. Отдайте мне тело брата. Я должен его похоронить. Если Быстрые Лисы потребуют платы за нарушение договора, я готов пригнать табун лошадей.

– Наш вождь Азарион будет решать, как Серые Ястребы смогут загладить вину, – строго ответил Кадзах. – Просто объясни: зачем твой брат так поступил?

– Жадность ослепила его. Ему заплатили серебряной монетой.

– Кто? Что за шакал его надоумил?

– Я не ведаю, – печально покачал головой Катиар. – Знал бы, сам лично ему кишки выпустил. Ты же помнишь: Серые Ястребы всегда жили в мире с Быстрыми Лисами. Если бы я знал, что готовит мой брат, всеми силами удержал бы его.

– Я верю тебе, – согласился Кадзах. – Забирайте тела.

Всадники спешили, принялись выискивать среди павших своих соплеменников, взваливали убитых на крупы коней.

– Кадзах, – громко позвал Катиар. Он стоял возле обезглавленного тела. – Кто отнял у моего брата голову?

– Я это сделала, – призналась Дегиза.

– По какому праву? – возмутился Катиар.

– Убила его в честном бою.

– Не обманывай меня! – Глаза степняка вспыхнули гневом. – Я не поверю, чтобы маленькая девчонка совладала с умелым воином. Да он бы голыми руками тебя изломал, как ястреб перепёлку.

– Я сам видел, – подтвердил Саваг. – Беру в свидетели Фагимасада: Дегиза его убила.

Катиар долго стоял, гневно буравя Дегизу взглядом, затем угрожающе потребовал:

– Отдай голову, и я клянусь Великой Матерью Табити, что не буду мстить.

– Не отдам! – с вызовом ответил Дегиза. – С чего бы? Бой проходил честно.

– Кадзах, отговори её! – в отчаянье потребовал Катиар. – Пусть обезглавит кого-нибудь другого, но не моего брата.

– Она меня не слушает, – спокойно ответил Кадзах. – Ты можешь попросить нашего отца, но и он тебя не услышит. Тебе же сказали: бой проходил честно. Дегиза имеет право преподнести жертву Аргимпасе.

– Ты же знаешь, я должен буду убить её, иначе мой дух и дух моего брата не успокоятся, – пригрозил Катиар. – Её кровью я должен смыть позор с нашего рода.

Кадзах взглянул на Савага, на Дегизу.

– Нет, – уверенно ответила девушка. – Пояс Аргимпасы дороже жизни. Для меня нет больше счастья, чем служить великой богине.

– Кадзах, заклинаю Савром, – взвыл, словно раненый волк, Катиар. – Скажи ей, чтобы вернула голову брата. Проси взамен всё, что хочешь.

– Прости, но Наракон сам виноват, – жёстко ответил Саваг. – Он напал на торговцев на нашей земле, нарушив священный договор. Да ещё сделал это, как подлый разбойник, сняв боевой пояс ксяя. Ты не в праве ничего у нас требовать.

Катиар опустил голову и долго молчал. Все его воины с телами павших уже перебрались на свой берег.

– Что ж, прощайте, – наконец процедил он, взвалил на лошадь обезглавленное тело брата и направился к броду.

– Скверно получилось, – недовольно произнёс Кадзах, когда они ехали обратно. – Кровная вражда с соседями ничего хорошего не обещает.

– Не в первый раз, – возразила Дегиза.

– И всё из-за каких-то торговцев, – сокрушался Кадзах. – Недаром у степняков примета: приехал эллин торговать – жди беды. И откуда они взялись? Кто заплатил за погром? Ничего не понимаю. Хоть бы один живой остался.

– Мы девчонку нашли, – вспомнил Саваг.

– Какую девчонку? – не понял Кадзах.

– В караване была. Непонятно, что она делала среди торговцев. На невольницу не похожа. Одежда на ней дорогая, украшения золотые.

– Так чего же вы молчите? Надо её допросить.

– Она от страха дар речи потеряла. Успокойся, тогда и допросим.

– Эй! Это моя добыча! – напомнила Дегиза.

– Не смею тебя просить, но наши племена на грани вражды. Всё из-за головы. – Кадзах указал на трофей Дегизы. – Многие подтвердят, что ты победила в честном бою. Пояс Аргимпасы тебе всё равно повяжут. Может, вернёшь голову?

– Не отдам! – упрямылась юная воительница. – Во имя Аргимпасы: не смей меня больше просить об этом.

– Но тогда Серые Ястребы будут охотиться на тебя, пока не убьют, – пробовал втолковать ей старший брат.

Дегиза только зло рассмеялась в ответ:

– Пусть попробуют! Я сама выслежу Катаира и вгоню отравленную стрелу ему в глаз.

– Глупая! Он вызовет тебя на поединок и разделает, как жертвенного козлёнка.

– Как решит Аргимпаса, так и будет, – твердила своё Дегиза. – Если погибну, Саваг за меня отомстит. Правда, брат? – окликнула она юношу.

– Савр – свидетель: так и будет, – нехотя согласился тот.

– Смелые вы, но глупые, – покачал головой Кадзах. – Кровная вражда с соседями всегда несёт много бед.

– Пусть только сунутся! – погрозил кулаком Дегиза в сторону реки. – Быстрые Лисы – самое сильное племя в наших степях.

– Отец решит, – прекратил спор Саваг. – За вождем последнее слово.

– Опасно здесь оставаться, – решил старый Аспандан, выслушав рассказ Кадзаха. – Слышал я о Катаире. Видел его в окружении вождя Серых Ястребов. Упрямый и злопамятный. Обязательно попытается вернуть голову брата. Уходить надо к стану.

Кадзах согласился.

Костёр засыпали снегом. Оленью тушу положили в одну из повозок. Маленькой пленнице подвели коня. Но она ни за что не желала подниматься с земли. Дегиза замахнулась на неё плетью, прикрикнула:

– Вставай! Кому говорю?

Девочка вся сжалась, закрыла лицо руками и заплакала.

– Чего ноешь опять? – злилась Дегиза. – Всё ноет и ноет! Нет, мне такая служанка не нужна. Я её здесь прикончу! – Достала топор, желая напугать пленницу.

– погоди! – подъехал Саваг. Нагнулся, протянув девочке руку. Та тут же вскочила. Он поднял её и посадил перед собой на коня. Пленница крепко вцепилась в юношу.

– Она – моя! – сердито напомнила Дегиза.

– Много кричишь, – укорила её Зарика.

– Всё равно – моя добыча, – обиделась Дегиза.

– Никто у тебя девчонку не отнимает, – успокоила сестра. – Завтра сходим к Амомайе, обменяем её на козу.

– Не нужна мне коза! – возмутилась Дегиза.

Несколько всадников ехали впереди, освещая путь факелами. За ними Саваг и Кадзах. Саваг одной рукой правил конём, другой крепко прижимал к себе, укутанную в меха, девочку. После тянулись все остальные. В хвосте вола тащили три телеги, охраняемые старым Аспанданом и его сыновьями.

Марк Валерий пристроился рядом с Дегизой.

– Ты раньше никогда не убивала? – спросил он, кивком указывая на голову, висевшую возле её колена.

– Нет, – ответила девушка.

– Сильный был воин, – с сожалением произнёс Марк Валерий.

– Будет свидетелем моей храбрости, – с гордостью сказала девушка. – Теперь я стану жрицей Аргимпасы.

– Тебе не жалко его?

– Жалко? – не поняла Дегиза. – С чего бы? А ты жалеешь тех, кого убивал?

– Иногда – да, – нехотя ответил Марк Валерий.

– Он – воин. Быть убитым в сражении – его удел. Не я, так кто-нибудь другой. Он должен быть мне благодарен: умер с оружием в руках. Ты же знаешь, как тяжело отходит душа у раненых: в муках и агонии. Его же дух легко расстался с телом. – Дегиза взглянула в темное небо и с блуждающей улыбкой, продолжила: – Сейчас он веселится на щедrom пиру у Папайя в кругу великих ксаев и, наверняка, поднимает кубок в мою честь.

Совет воинов

Лишь только зорька позолотила степь, а безликая голова каменного идола на кургане осветилась первыми лучами, во все концы понеслись всадники. Вождь Азарион призывал старших воинов племени на совет.

Посреди просторного шатра, в очаге, сложенном из булыжников, жарко алели угли. Пол устилали пёстрые ковры. Высокий полог шатра из белого войлока поддерживал столб, украшенный разноцветными лентами.

Вождь Азарион восседал перед очагом. Могучий воин, чем-то напоминавший медведя. Чёрные длинные волосы с проседью стянуты на затылке в тяжёлый узел. Золотой обруч охватывал высокий гладкий лоб. Под густыми бровями внимательные тёмные глаза. Длинная борода заплетена в две косички. На концах подвешены золотые шарики.

За его спиной на мягком войлоке сидели старейшины племени: седобородые старцы. Некоторые ещё носили воинские пояса и кинжалы. По левую руку от вождя, гордо вздёрнув голову, восседал странный худой человек с пронзительным холодным взглядом. Посмотрит, словно в сердце куском льда ткнет. Его немолодое лицо было тщательно выбрито, что несвойственно степнякам. Длинная домотканая одежда с узором по краю напоминала женскую. Шапку он не носил. Седеющие волосы, густо смазанные жиром, заплетены в тугую косу. Тонкие узловатые пальцы перебирали короткие ивовые прутики. Этим странным человеком был прорицатель из клана энереев – жрецов богини Аргимпасы, людей неприкасаемых, вызывающих у степняков почтение и страх. Звали его Абиоз – Пьющий чистую воду. Справа от вождя, на месте почётного гостя, находился посланец Великого Рима, Марк Валерий. Посланец облачился в одежду степняка из грубо выделанной кожи, анаксириды, короткие сапоги и широкий боевой пояс. Но вместо меховой накидки на плечах его лежал пурпурный плащ легионера – сагум из плотной шерстяной материи. Плащ скрепляли серебряные фибулы в виде свернувшегося в клубок волков.

Бородатые степняки-воины входили в шатёр, приветствовали вождя низким поклоном, кланялись старейшинам и рассаживались на коврах. Слуги подносили им эллинские керамические блюда с мясом, кувшины с кислым кобыльим молоком и горячие отвары лесных ягод с мёдом. Все воины носили широкие боевые пояса с золотыми и бронзовыми бляхами – знак ксяя. Чем богаче и затейливее украшен пояс, тем знатнее воин. У каждого короткий меч-акинак в чеканных ножнах. Акинак – особая гордость степняка. С помощью меча он не только сражался с врагами, но и общается с небесным покровителем – богом Савром. На украшение ножен не скупилась: золотые обводы, серебряная чеканка, драгоценные камни. На головах степняки носили островерхие меховые шапки, на ногах короткие сапоги из мягкой кожи.

Когда все приглашённые старшие воины собрались, и в шатре стало тесно, вождь произнёс краткую молитву богам, затем приказал привести своего сына Савага. Юноша вошёл в шатёр, поклонился вождю, поклонился воинам и поведал о схватке с племенем Серых Ястребов возле реки. Выслушав его, вождь Азарион попросил старших воинов высказать своё мнение.

– Это их дело: грабить торговцев или нет, – безразлично сказал один из степняков.

– Но они напали на нашем берегу, – возразил другой. – Тем самым нарушили уговор: не творить разбой в землях Быстрых Лис.

– У нас ещё есть договор с Боспором, – напомнил третий. – Мы должны охранять их торговые караваны.

– Но караван же отбили, – рассудил четвёртый. – Договор мы исполнили. Надо отправить всё добро обратно в Танаис или Пантикапей.

– А с клана Серых Ястребов потребовать платы за разбой. Не согласятся – напасть на них. Отбить табуны. Это – наше право! – горячился молодой крепкий воин.

– Серые Ястребы – наши соседи. С соседями надо жить в мире, – остудил его пыл вождь Азарион.

– Зачем нам соседи-разбойники? – ворчали степняки. – Если торговцы побоятся ходить через наши земли, мы потеряем выгоду. Эллины и персы хорошо платят за охрану караванов.

– Нынче, как никогда, мы нуждаемся в мирных соседях, – ответил на это вождь. – Я вас собрал не только для того, чтобы мой сын рассказал о разбое Серых Ястребов, но и предупредить: грядут тяжёлые времена.

– Что-то случилось? – забеспокоились воины. – Боги тебе послали знамение?

– Степь пришла в движение, – мрачно объявил Азарион. – Опять в стороне восхода беспокойно. Вновь за восточными горами племенам стало тесно. Могущественные кланы гонят более слабых на запад. Скоро волна кочевников докатится до наших земель. Нам надо быть готовыми. Если будем порознь с соседями – не выстоим. Сейчас необходимо объединиться с другими кланами, а не враждовать. С Серыми Ястребами надо решить спор полюбовно.

– Но и по договору придётся держать ответ перед боспорцами, – напомнил старый воин Аспандан.

– А не предадут ли нас Серые Ястребы, когда придут кочевники с востока? – усомнился другой воин. – Не надёжные они друзья.

– Прогнать их! – поддержали его.

– Правильно! Пусть убираются на север.

– Я вас услышал, – поднял ладонь Азарион.

– Как с боспорцами дело будем решать? – задал вопрос старый воин Аспандан.

Вождь обратился к старшему сыну:

– Кадзах, ты узнал, из какого города пришли торговцы?

– Нет, Сильнейший. Торговцы и охранники – все мертвы. Всех перебили.

Воины стали возмущаться: что за неслыханная жестокость? Зачем резать всех подряд? Степняки никогда так не поступали!

– Мы нашли только девчонку, – продолжал Кадзах, – но она не говорит на нашем языке. Спрашивали её на эллинском. Девчонка напугана, боится слова проронить.

– Так, приведите её, – потребовал вождь.

Дегиза втащила в шатёр пленницу. Та упиралась, плакала. Когда предстала перед толпой суровых бородатых степняков, чуть не упала в обморок. Увидев Савага, бросилась к юноше и вцепилась в него намертво.

– Саваг, – строго спросил вождь, – почему пленница ищет у тебя защиты?

– Не знаю, Сильнейший, но она постоянно за меня цепляется. Наверное, думает, что только я её могу защитить.

– Так успокой девчонку, – потребовал вождь Азарион и приказал позвать учёного эллина, Гектора. Может, он разговорит пленницу?

В шатёр вошёл высокий пожилой человек в одежде кочевника. Однако обликом он не походил на степняка: худой, длинноногий; светлая курчавая борода коротко подстрижена. Лоб высокий, взгляд рассеянный. Звали его Гектор. Как-то вождь Азарион побывал с визитом у правителя города Керкинитида. Во время его посещения привезли рабов на продажу из Эллады. Рабы стоили дешево. Римский проконсул Сулла разрушил Афины. Всех уцелевших жителей обратил в говорящую скотину. Но так, как степнякам не нужны рабы, Азариону предложили учёного афинянина, который смог бы обучать его детей различным наукам. Вождю понравилось предложение, и он купил Гектора. Афинянин жил свободно среди кочевников. Никто его не унижал и не называл невольником. Наоборот, его уважали, потому что он занимался с детьми, обучая их языкам, математике и географии. Иногда его приглашали на совет

воинов, когда дело касалось переговоров с боспорцами. Афинянин знал все тонкости подлого нрава торговцев и частенько подсказывал вождю, как правильно поступить. Гектор смирился со своей судьбой. Он прекрасно осознавал, что остаток дней проведёт далеко от любимой Эллады, среди северных племён. По образу жизни он ничем уже не отличался от степняков, но в душе оставался верен своим богам и своим идеалам.

– Звал меня, о Сильнейший? – поклонился афинянин.

– Помоги нам с этим ребёнком. Успокой её и спроси: откуда она, из какого народа, кто её отец? – приказал вождь, указывая на девочку.

Гектор подошёл к пленнице, ласково улыбнулся. Девочка перестала дрожать.

– Не бойся, – сказал афинянин по-эллински. – Тебе ничего не грозит. Видишь, я не кочевник, я – афинянин, и живу здесь свободно.

Он очень мягко отцепил руки девочки от одежды Савага. Но она продолжала молчать. Её большие тёмные глаза с испугом смотрели на окружающих бородачей.

– Может она немая? – предположил вождь.

В это время девочка что-то прошептала. Гектор наморщил лоб, наклонился к ней ближе, подставляя ухо, и попросил ещё раз повторить сказанное. По мере того, как он слушал девочку, на лице его отображалось удивление, затем растерянность. Он открыл было рот, пытаясь что-то сказать, но не знал, с чего начать.

– Говори, Гектор! – потребовал вождь. – Что ты такое страшное услышал от неё?

– Прости, о Сильнейший, – наконец произнёс неуверенно Гектор. – Этот ребёнок утверждает, будто... будто, – Гектор запнулся.

– Да, говори же, – вождь начинал терять терпение.

Все с любопытством ждали.

– Этот ребёнок... Перед тобой дочь божественного правителя Понта, Митридата Евпатора.

Повисло молчание.

– Что он сказал? – несмело спросил кто-то из воинов.

– Я сам не понял, – ответил другой.

– Сказал: дочь Евпатора, – неуверенно ответил третий, и весь шатёр загудел.

– О чём ты? – недовольно воскликнул вождь. Его кустистые брови сердито сдвинулись.

– Что за ерунду ты говоришь, грамотей? Откуда ей тут взяться? Смеёшься над нами? Дочь правителя Понта в нашей степи? Ты точно понял, что она сказала? А может, боги повредили разум этой девчонке, вот она и представляет себя дочерью Митридата? – засыпали эллина вопросами.

Гектор вновь наклонился к девочке, спрашивал её, она отвечала. Все вновь затихли. Напряжённо ждали. Гектор сказал вождю:

– Прошу простить меня, вождь Азарион, но перед тобой действительно одна из дочерей Митридата. Она так утверждает, – несмело добавил он.

Воины зашумели ещё громче. Вождь жестом попросил их замолчать. Марк Валерий, сидевший рядом, напрягся, но старался придать своему лицу безразличное выражение. Однако глаза его беспокойно бегали то на вождя, то на девочку, то на воинов.

– Жрец, твоё слово, – окликнул вождь энерея.

Старик Абиоз медленно поднялся. Он оказался высоким и слегка сутулым. Крадущимися мелкими шажками, словно хищник перед прыжком, подошёл к девочке. Та испуганно попятилась, но он резким движением схватил её за руку. Достал из-за пояса небольшой нож с изогнутым лезвием. Девочка вскрикнула, закрыла глаза, готовясь к самому худшему. Жрец сделал надрез у неё на запястье и слизал капельку выступившей крови. После отпустил жертву. Девочка вновь вцепилась в Савага и заплакала.

Жрец обернулся к собравшимся. Окинул всех колючим взглядом, поклонился вождю.

– Кровь у неё божественная, – объявил он.

– Да кто же она? – заголосили воины.

Девочка ещё что-то тихо произнесла. Гектор наклонил к ней ухо, потом сказал вождю:

– Она говорит: в одной из повозок есть серебряный ларец с посланием для тебя от базилевса. А ключ висит у неё на шее.

Афинянин осторожно снял с шеи девочки золотую цепочку, на конце которой оказался маленький серебряный ключ. Вскоре в повозках, среди дорогой посуды и красивой одежды раскопали ларец. Принесли. Гектор отпёр ларец, извлёк из его недр свиток пергамента, перевязанный тесьмой и скреплённый красной восковой печатью.

– На печати изображена звезда с хвостом, – доложил он. – Дозволь, о Сильнейший, взломать её.

Гектор развернул пергамент и начал читать. В письме Владыка Понта желал долгих лет вождю Азариону, его детям, процветания его народу и покровительства богов. Далее он сообщал, что посылает щедрые дары, а также свою дочь в жёны вождю, как знак вечной дружбы.

Воины одобрительно замычали:

– Сама дочь базилевса! Какой щедрый правитель! Он помнит, как мы ему помогали!

– Погодите вы, – успокоил Азарион воинов. Один он оставался хмурым. Вождя что-то беспокоило. – Знаю я Митридата. Правитель щедрый, но расчётливый. Просто так ничего дарить не будет, тем более своих дочерей. Посмотри-ка, Гектор, что там в конце письма?

– Базилевс требует от тебя тысячу всадников.

В шатре сразу все умолкли.

– Вот вам и подарки, – мрачно проронил вождь.

Он приказал усадить девочку на подушки подле себя. Ей подали напитки, мясо и сыр. Но она всё ещё боялась. Едва сдерживала слёзы. Руки дрожали. Только слегка пригубила отвар из ягод с мёдом.

– Гектор, прочти подробно ещё раз: чего хочет правитель Понта, – потребовал вождь.

– Базилевс просит принять его дары. Он обещает щедрую награду воинам, которых ты отрядишь к нему в помощь. В знак вечной дружбы базилевс прислал одну из своих дочерей, которая будет тебе верной, любящей женой.

Вождь взглянул на девочку, недовольно покачал головой.

– Но она ещё ребёнок.

– Не важно. Главное, что ты, о Сильнейший, породнишься с божественным правителем, – сделал вывод Гектор.

– Митридат вновь набирает войско, – мрачно сказал старый Аспандан. – Опять затевает большую войну.

– Так что в этом плохого? – удивились молодые воины. – Грамотей только что прочитал: он щедро оплатит наши труды.

– Щедро оплатит? – зло усмехнулся Аспандан. – Эй, здесь есть ксаи, которые ходили со мной к Митридату? Есть такие? – Оглядел он собравшихся.

– Есть! – неохотно откликнулось несколько пожилых степняков.

– Расскажите остальным, как много вы привезли из этих походов и скольких братьев захоронили.

– О чём тут говорить? – ответили седовласые степняки. – Шли за богатой добычей, а вернулись как побитые собаки, израненные и голодные.

– Дозволь сказать, о Сильнейший, – неожиданно попросил Марк Валерий. – Насколько мне известно, базилевс Митридат потерял все свои земли и города. Нынче скрывается в Армении у своего зятя, правителя Тиграна.

– Поверь мне, он соберёт новую армию, как уже не раз делал, и вернёт себе былое могущество вместе с землями и городами, – уверенно возразил афинянин Гектор.

Марк Валерий смерил его гневным взглядом:

– Как смеешь, презренный раб, влезать в разговор?

– Не злись на него, – попросил вождь. – У нас нет рабов. Гектор не ксай, но право слова имеет. Его сила в знании, потому мы его и ценим. Но я хочу услышать, что скажешь ты, посланник Сената и народа Рима, – решил Азарион.

Марк Валерий поднялся, едва склонил голову перед вождём, как бы из вежливости. Громко начал свою речь хорошо поставленным голосом:

– Я, Марк Валерий, легат от Сената и народа Рима, ответственно заявляю: Рим – непобедимая сила. Бороться с Римом то же самое, что пытаться крошить зубами гранитную скалу. Все, кто поднимал восстание против республики, терпел сокрушительное поражение. Помните непобедимого Ганнибала. В бессмысленной войне с Римом он погубил себя и Карфаген. Могущественный Югурта не смог устоять в противоборстве с Римом, потерял жизнь и свою страну. Аристоник Пергамский безумным восстанием обрёл на смерть себя и тысячи соплеменников. Пирр Эпирский, Антиох Великий, Филипп Македонский... – никто ничего не добился. А что осталось от восставших Афин? Руины! – он бросил испепеляющий взгляд в сторону Гектора. – Нынче пришла очередь Митридата. Базилевс Понтийский всю жизнь боролся с Римом, но его успехи носили временный характер. Его ничтожные победы сменялись страшными разгромами. В итоге: когда-то великий полководец и могущественный правитель скрывается у своего зятя в Армении, потеряв всё. Его процветающая столица Синоп разорена и обезлюдилась. Его народ перешёл под покровительство республики. А всё потому, что он не только восстал против Рима, но и повинен в страшных злодеяниях. Боги мстят ему за тысячи смертей мирных людей и за поруганные святыни. Митридат повинен в кровавой резне, какой ещё не знала история. Больше ста тысяч граждан республики, живших в азиатских городах, были безжалостно убиты по его приказу. Их тела выбрасывали за стены на пожирание собакам и воронью. А те из местных жителей, кто пытался захоронить несчастных, подвергались жестоким наказаниям. Людей убивали даже в храмах. Это – неслыханное кощунство! Его душегубы осквернили святилища невинной кровью. Храмы, где любой, даже преступивший закон, может всегда найти убежище под покровительством богов, не спасли несчастных. В городе Эфес, на алтаре у ног богини Артемиды людей изрубили в куски, не щадя ни женщин, ни детей. В порту Адрамиттий всех римлян загнали в воду и безжалостно топили. Я говорю ответственно – Митридат в том повинен! Он проклят! Ничто его не спасёт от гнева богов и от карающей руки Великой Римской республики!

– И кто же убил всех этих граждан республики? – с насмешкой спросил Гектор, зло сузив глаза. – Разбойники? Взбунтовавшиеся рабы? Головорезы, купленные на золото Митридата? Нет! Над ними расправлялись местные жители, среди которых – ремесленники, пастухи, земледельцы и даже зажиточные торговцы. Но почему они это сделали? Откуда у них появилась столь неслыханная жестокость? Да всё оттуда! – повысил он голос. – Как только власть Рима пришла в земли Азии, так сразу люди были порабощены неподъёмными налогами. Да что там люди – целые города попали под налоговый гнёт. Доходило до того, что простые честные труженики вынуждены за долги отдавать собственных детей в рабство. А бремя поборов становилось всё тяжелее и тяжелее. Города закладывали за долги стены, храмы, порты... А чем занимались римские граждане? Ростовщичеством, ещё больше вгоняя местное население в долги, отнимая последнее, превращая свободных людей в говорящую скотину. С приходом Рима древние персидские обычаи и законы стали ненужными, ведь настоящий перс никогда не сделает своего соседа рабом. Священные законы Ахурамазды запрещают превращать человека в животное. Рим отменил эти законы. Дошло до того, что чуть ли не треть населения Пергама стали рабами. И тогда Митридат, отвоёвывая города у хищной республики, освобождал жителей от бремени долгов и рабства. Трудяги: ремесленники и мелкие торговцы, земледельцы и пастухи, наконец

вздохнули свободно, скинув с себя оковы займов, которые им навязали кредиторы из Рима. Базилевс-освободитель даровал людям широкие права. Он рабов делал свободными.

– Раб должен оставаться рабом! – грозно ответил Марк Валерий. – Что вышло, когда рабы убили своих господ? Стали жить в их домах, носить их одежды? Никто над ними не стоял, не поучал, не одёргивал. Что было дальше? Вчерашние рабы погрязли в разврате и пьянстве. Они были скотами, скотами и остались, только обрядились в пурпур. Когда вновь пришёл порядок в лице римских легионов, эти скоты не смогли защитить свою свободу, и были убиты или вновь получили ошейник. Поэтому Митридат не сможет победить Рим, никогда! Разве история его не научила? Два раза он поднимал восстания, и оба раза был жестоко разгромлен. Нельзя выступать против Рима! Таковы законы мироздания. Есть только одна сила, способная держать порядок в эйкумене. И эта сила – Римская республика! – закончил Марк Валерий торжественно.

– Что же такое Рим с его порядком? Объясни, – попросил вождь Азарион у Марка Валерия.

– Рим – это целый мир. Многогранный мир, – загудел вдохновенно ромей, переполняемый гордостью. – В нем заключается не только грубая сила его легионов, но и наука, и искусство... А главный стержень, на котором зиждется могущество республики – верховенство закона! Высшее достижение римской цивилизации – единые законы, по которым живут все граждане.

– Целый мир, говоришь? – ядовито усмехнулся Гектор. – Но разве можно понять этот мир? Осознать его? Твои слова о законе пусты, как треснувший кувшин. А многогранный мир, как ты говоришь, – условность. Всё зависит от того, кто ты в этом многогранном мире: патриций, плебей, чужак из дальней провинции или раб. Для кого-то Рим – величайшая цивилизация, основанная на законе – согласен. Но для многих, для очень многих это – жестокая система, подавляющая волю большинства и дающая все блага меньшинству. Для третьих это – несокрушимая военная сила, жаждущая крови. Их крови! Рим живёт сыто за счёт грабежа. Вскормленный волчицей, Рим всегда являлся хищником, прожорливым и ненасытным. Рим должен убивать, чтобы жить, и живёт, чтобы убивать. Будто стая волков, римские легионы вторглись в Элладу и в Македонию, затем в Азию. Захватили обширные богатые земли. Часть жителей превратили в рабов, других – задавили непомерными поборами. Разве это цивилизация, основанная на законе? Порядок Рима держится на насилии! Но насилие не способно править вечно. Проглотив слишком много, Рим из волка превратился в жирную свинью. Вскоре он лопнет от обжорства. Не сможет переварить проглоченного. Но что странное: в самом Риме богатые граждане с каждым годом всё больше и больше богатеют, а их бедные соседи становятся ещё беднее.

– Твоя речь красива, но слова в ней ничего не значат, раб, – с презрением бросил Марк Валерий. – Что бы ты ни говорил, Рим – вечен! Нет такой силы, которая смогла бы его победить. Ты это прекрасно знаешь. Римская цивилизация устроена разумно и гармонично. Никто не сможет пошатнуть её устои, как скалу не сможет свернуть даже самая свирепая волна.

– Довольно! – прервал их спор вождь. – Теперь прошу вас покинуть шатёр. Я должен посоветоваться со старейшинами и воинами.

Гектор вышел из шатра, гордо вздёрнув голову. Марк Валерий с ненавистью и презрением жег ему взглядом затылок. Дегиза протянула руку дочери Митридата. Та испуганно отпрянула.

– Не бойся, – виновато улыбнулась она. – Теперь ты – женщина нашего рода.

– Она к тебе ещё не привыкла, – сказала Зарика, мягко обняла девочку за плечи и увела из шатра.

– Вот же зайчик! – обиженно сказала Дегиза. – Если бы я её не подобрала, там, возле реки, она замёрзла бы, или волки её съели...

Между тем в шатре остались только вождь, старшие воины, уважаемые старцы и жрец энерей.

– Нам предстоит сделать сложный выбор, – объявил вождь Азарион. – Митридат требует от меня воинов. Мы повязаны с ним клятвой. Свидетель той клятвы сам Фагимасад, а посему я не могу её нарушить. Да ещё он прислал мне свою дочь, чтобы я с ним сочетался родственными узами.

– Коль клятва дана перед костром Фагимасада, её надо выполнять, – мрачно подтвердили старейшины. – Но что тебя беспокоит, Азарион?

– Митридат вновь затеял войну с Римом, – подал голос жрец, сидевший подле вождя. – Боги мне подсказывают, что добром всё это не закончится. Два раза он требовал от тебя воинов, Сильнейший. Два раза обещал, что они вернуться с богатой добычей, и оба раза наши воины возвращались побитые и голодные. Слова ромея больше похожи на истину: Митридату не по силам тягаться с Римом. Аспандан побывал в тех злосчастных походах. Пусть расскажет.

Битва у Херонее

Старый степной воин поднялся, поклонился товарищам, поклонился старейшинам, поклонился вождю, начал рассказ не спеша, поглаживая густую, седеющую бороду:

В первый раз, когда правитель понтийский, Митридат, призвал нас, племя наше набрало пять сотен всадников, и мы отправились на юг, вслед за перелётными птицами. Мы шли долго, через Македонию, Фессалию к городу Херонее. Собралось огромное войско. Казалось, у Митридата несокрушимая сила. Сотни народов прислали своих лучших воинов. Всадники в прочных доспехах, пешие бойцы с отличным вооружением, лучники и пращники – без числа. Здесь я впервые увидел грозные колесницы, на колёса которых крепились изогнутые, остро отточенные клинки. В упряжке пара сильных фессалийских коней. Такая повозка на всём скаку влетала во вражеский строй и прорезала его, оставляя за собой обезображенные тела. Возглавлял войско старый опытный военачальник Митридата, Архелай, и сын самого базилевса, Аркафий – храбрейший воин. Среди военачальников находился опытный, бесстрашный Таксил. Казалось, столь могучее войско, во главе с такими славными стратегами, легко покорит весь мир, и нет ему равных. Но боги думали иначе. Бедствия начались с гибели сына Митридата, Аркафия. Он внезапно заболел и вскоре умер. Его смерть явилась знаком свыше, как предупреждение грозящей беды. Но никто не прислушался. Жрецы оказались глухи к голосу небес.

Наша армия двинулась навстречу римским легионам, которые возглавлял проконсул Сулла, закалённый, опытный полководец. В конце лета оба войска встретились под Херонеей. Архелай несколько раз выстраивал армию в боевом порядке, пытаясь навязать ромеям сражение. Но хитрый Сулла не принимал бой и каждый раз отступал. Он понимал, что ему не совладать с войском, в три раза превышающим численность его легионеров. Архелай думал, что один вид нашего грозного построения наводит страх на римлян. Чего только стоили армянские и мидийские всадники! Словно огненные посланники богов. Их металлические доспехи сияли золотом и серебром. Но Архелай плохо понимал, с кем столкнулся. Сулла оказался коварен, расчётлив и терпелив, а его воины имели большую выдержку, крепкую дисциплину и были по собачьему преданы своему командующему.

Мы разбили лагерь среди скалистых холмов недалеко от Херонее. Архелай решил, что здесь самое подходящее место. Хороший обзор. Ниже лежали равнины, поросшие виноградником и рощами олив. Наш тыл защищали неприступные скалы. Сулла не может долго маневрировать. У него заканчивались припасы, и он вынужден будет выйти на битву. Бежать Сулла не посмеет. Честь проконсула не позволит ему покинуть Элладу без боя. Как только римляне появятся на равнине, так Архелай обрушит на них смертоносные колесницы. Пехота сомнёт расстроенные ряды, а тяжёлые армянские катафракты завершат разгром. Уверенность в скорейшей победе затуманила разум полководцев. Беспечность погубила армию. Все предвкушали скорейшую победу, не подозревая о скорых бедствиях.

Дело в том, что среди местных пастухов отыскались предатели. Соблазненные золотом Суллы, эти подлецы открыли ромеям тайные тропы, по которым можно было обойти наши посты и оказаться на скалах, которые нависали над нашим лагерем.

Утром Архелаю донесли радостную весть: наконец Сулла выдвинул войско в долину и строит его к битве прямо напротив нашего лагеря. «Хвала Громовержцу! – воскликнул стратег. – Эта прыщавая собака (так он называл Суллу за его изрытое оспинами лицо) решила на битву. Найдите мне хорошую палку. Я даже не буду обнажать меч. К вечеру лично поколочу римскую собаку этой палкой».

Но ромеи, тайно пробравшиеся на вершины за лагерем, принялись скидывать нам на головы валуны, а затем неожиданно напали. Поднялась паника. Никто ничего не мог понять.

Ни о каком построении войск думать не приходилось. Никто не слушал ничьих приказов. Все говорили на разных языках и не понимали друг друга. Откуда нападают – не сразу сообразили. Началась давка. А в нашем тылу происходила страшная резня.

Архелай, надо отдать ему должное, не потерял самообладание и решил хоть как-то организовать кавалерию. Попытался вырваться в долину. Но в тесноте среди скал мы не смогли развернуться широким строем, а римляне выросли перед нами словно стена, закрывшись большими щитами и оцетинившись копьями. Нас оттеснили обратно к скалам. Тогда Архелай в отчаянье пустил на прорыв колесницы. Но и эти грозные повозки не помогли. Они не в состоянии были разогнаться по неровным ухабистым склонам. Пока колесницы докатили до строя римлян, лучники и пращники перебили большинство колесничих и покалечили лошадей. Легионеры расступились, пропуская мимо себя уцелевшие повозки, где в тылу колесничих добились римские всадники.

Архелай собрал остатки армии и выстроил гоплитов у самых скал. Вперёд поставил бывших римских рабов. Те знали, что, попав в плен, им не стоит ждать пощады. Они сражались до последнего вздоха. Битва была долгой и упорной. Но всё же, хорошо обученным, дисциплинированным легионерам удалось проломить строй бывших рабов, и тогда Архелай сам повёл в бой остатки кавалерии. Бесстрашный Таксил ринулся с пехотой вслед за всадниками. Мы принялись теснить римлян, громили один строй за другим. Казалось, ещё немного, ещё один напор, и легионеры дрогнут. Но и на этот раз Сулла переиграл Архелая. У него была заготовлена засада. Многочисленный отряд во главе с военачальником Муреной, скрытый до времени за лесистым холмом, неожиданно обрушился во фланг Архелая, и битва была окончательно проиграна. Римляне прижали остатки нашей армии обратно к скалам. Передние ряды легионеров упорно напирали, а через их головы в нас летели снаряды с камнемётных машин. Я собрал всех оставшихся своих степняков и с боем, прилагая неимоверные усилия, вырвался на равнину. Многие наши братья в тот день остались навсегда под Херонеей.

– Мы помним, как вы вернулись, – печально сказал вождь. – Тогда не досчитались лучших воинов. Вдовы оплакивали их сорок дней и сорок ночей.

Осада Кизика

Второй раз мы сражались против консула Лукуллы, – продолжал Аспандан. – Не знаю, чем мы так прогневали богов, но даже я, старый степной воин, привыкший ко всему, с содроганием вспоминаю о тех проклятых днях. Армию Понта в сражение повёл опытный полководец Варий, посланный в помощь Митридату самим Квинтом Серторием из Испании. Квинт Серторий ненавидел Суллу и сражался с римскими легионами на другом конце света, в Испании. Варий был несокрушимым одноглазым центурионом, не знающим страха и боли.

Лукулл со своими легионами шёл навстречу. Армии сошлись у холма Офрия. Выстроились друг против друга на обширной равнине. Бой обещал быть долгим и кровавым. Ряды оцетинились копьями. Лучники вложили стрелы на тетиву. Буцинаторы уже поднесли трубы к губам, чтобы подать сигнал к атаке... Как вдруг небеса разверзлись, и чёрный всадник на чёрном коне промчался над нами. Копыта коня издавали столь жуткий гул, что многие не выдержали, бросали оружие и попадали на землю. Чёрный всадник метнул огненное копье, и оно с грохотом врезалось в землю прямо между двух армий. Земля вздрогнула, словно её поддел рогами могучий бык. Все оглохли. Передние ряды повалило волной раскалённого воздуха. Горячие искры, словно пчёлы, жалили людей. Лошади взбесились от страха и понесли всадников прочь, а за ними разбежалась и пехота. Оружие бросали и воины Митридата, и легионеры Лукуллы. Сражение закончилось, так и не начавшись. Множество народу погибло в давке.

После столь страшного знамения Митридат долго беседовал с гадателями. Жрецы растолковали знамение как неблагоприятное. Лукулл тоже воззвал к оракулам. И он получил неутешительный ответ. Ночью римляне тихо свернули лагерь и ушли. Повелитель решил их не преследовать. Небесное знамение вселило непреодолимый страх в сердца воинов. Но были и те, которые не убоились гнева богов. Они пришли к Митридату и сказали, что армии нужны трофеи и награды. Неужто зря правитель Понта созывал отряды из самых дальних земель? Не могут храбрецы вернуться обратно домой с пустыми руками. Митридат долго размышлял и решил направить войско к городу Кизику. Город тот состоял в союзе с Римом. Имел богатый торговый порт. Процветал на продаже корабельного леса, пряностей, вина и масла.

Армия подошла к Кизику. Митридат потребовал у жителей сдать город без боя. Но горожане заперли ворота и приготовились к осаде. Митридат приказал плотникам строить осадные башни и мастерить метательные машины. Флот Митридата блокировал порт. Был у правителя Понта талантливый строитель Никонид. Что он только не изобретал: движущиеся башни, подъёмные лестницы, раздвигающиеся мосты...

Действовать надо было быстро. Армия собралась большая, а её необходимо кормить. Да ещё в лагере находилось несколько тысяч боевых коней. Армянские и каппадокийские кони не чета нашим: на луговой траве долго не протянут. Им нужно отборное зерно и тёплые конюшни. А по ночам уже навевались осенние холодные ветра. На море подходило время штормов. Беда в том, что всё необходимое для войска: продовольствие, фураж, строительные материалы подвозили морем. Корабли с припасами с трудом пробирались среди бушующей стихии. Ветер рвал паруса, а волны вздымались словно взбесившиеся кони. Несколько кораблей затонуло, попав в шторм. Корабельщики попрятали суда в безопасных гаванях и ни за какие награды не хотели выходить в плаванье.

Был другой путь снабжения, но весьма ненадёжный. За нашей спиной возвышались горы, через которые проходила единственная дорога; даже не дорога, а караванная тропа, на которой местами два гружённых осла едва смогут разминуться. По этой тропе каждый день в лагерь везли продовольствие и корм для лошадей. Привозили мало. Митридат торопился. Город необходимо было взять до холодов. В это время пришла печальная весть из Испании: Квинт Серто-

рий был убит. В Риме распри патрициев подходили к концу, и Сулла добивал последних своих противников. Империя Волчицы оправилась от междоусобных потрясений и вновь становилась могущественной. Из Испании высвободились легионы. Сенат срочно доукомплектовывал их, чтобы отправить в Азию. Ромеи, бывшие в лагере Митридата, узнав тревожные новости, испугались и предали базилевса. Они тихо ночью покинули лагерь, перебежав к Лукуллу. Мало того, предатели выдали ту единственную горную тропу, по которой нам доставляли припасы. Лукулл, недолго думая, захватил перевал. Вскоре в лагере начался голод. Мы доедали последнее вяленое мясо и сушёную рыбу. Для лошадей собирали пожухшую траву.

Митридату надо было предпринять решительные действия. Базилевс пошёл на штурм Кизика. Схватка длилась несколько дней и несколько ночей без перерыва. Стены атаковали с земли и с моря. Казалось, город вот-вот должен пасть. Несколько раз воины Митридата оказывались на гребне стен. С невероятным трудом защитники сбрасывали их обратно. Приближался день, в который готовился последний натиск. Плотники без сна мастерили штурмовые машины. Воины точили оружие. Жрецы совершали жертвоприношения.

Всё было готово. Каждый отряд получил своё задание. На рассвете, после атаки город должен был пасть. Но в ту ночь неожиданно разразилась страшная буря. Жрецы Кизика принесли на алтарь Богу Громовержцу десять быков и молили о помощи. Бог Громовержец услышал их мольбы. Ветер поднялся такой силы, что валил осадные башни. Огромные волны с грохотом налетали на берег. Осадные корабли разбило в щепки. Половину нашего лагеря затопило.

Военачальники предлагали Митридату снять осаду. Но правитель был непреклонен. Он приказал не прекращать штурм. Землекопы принялись рыть подкопы под стены, плотники строили новые осадные башни. Однако в Кизике находились могущественные жрецы. Они наслали на нас чуму. Чёрная смерть появилась внезапно. Люди умирали десятками каждый день и сотнями валились с ног. Никакие заклинания понтийских жрецов не помогали. Куда не взглянешь – всюду обезображенные, зловонные трупы, которые не успевали хоронить. Я собрал своих старших воинов на совет. Мы воззвали к всемогущему Фагимасаду, и бог приказал нам покинуть войско Митридата. Совесть наша была чиста. Мы выполнили клятву и явились на битву. Но взятие городов – не наше дело. Мы всадники. Наша стихия – атаковать в чистом поле, а не лезть на стены. Мы только мешали и были лишними ртами. А в лагере уже ели павших лошадей. Я явился к Митридату и сообщил ему о воле Фагимасада. Он несколько не разгневался. Сказал, что я поступаю мудро, и только попросил меня попытаться вывести всю конницу, заодно с вьючными мулами и верблюдами, дабы они не мешались в лагере. Ещё со мной на прорыв отправили больных и раненых.

Путь наш оказался тяжёлым и мучительным. Как только мы взобрались к перевалу, поднялась снежная буря. Нам удалось с боем прорваться сквозь римские заслоны. Но, отягощённые больными и искалеченными, мы не могли двигаться быстро. Лукулл шёл по нашему следу, как волк, преследуя раненую добычу. У реки Рендака он настиг нас. Битва разгорелась страшная. Битва немощных. Мы были без сил, но и римляне еле держались на ногах. Всё же стойкость легионеров взяла верх над ранеными воинами Митридата. Мы, кочевники, привыкшие к снегам и холоду, легко ушли от конницы Лукулла, но помочь остальным ничем уже не могли.

Позже я узнал, что у Кизика новая буря разрушила осадные башни и окончательно затопила лагерь. Митридат, в конце концов, решил снять осаду и отплыл на кораблях в Геллеспонт, бросив часть войска и лагерь на разграбление Лукуллу. Оставшиеся понтийцы по суше с боями и большими потерями прорвались к городу Лампасаки. А мы вернулись в родную степь и опять многих своих братьев не досчитались.

Тяжёлое решение

Аспандан закончил рассказ, сел на прежнее место.

– Кто хочет взять слово? – Азаион оглядел старших воинов.

– Надо подсчитать силы, – несмело подал голос один из степняков. – Посмотреть, сколько в каждой семье ксаев.

– Да что считать? – сказал другой. – Даже если с дальних пастбищ всех позвать, две тысячи всадников не наберём.

– Но тысячу наберём, – возразил ему третий. – И вооружим как надо. Хватит у нас народу.

– Но сколько из них вернутся назад? – спросил у него Аспандан. – И кто здесь будет стоять за наше племя, коль враг нагрянет?

– Пусть жрец рассудит, – решили старейшины.

Вождь Азарион долго слушал, что ему шепчет жрец энерей, раскладывая на земле ивовые прутья. Воины вокруг переговаривались вполголоса. Старейшины тихо размышляли меж собой. Наконец вождь поднял руку с открытой ладонью, призывая всех к вниманию.

– Фагимасад подсказал мне, как я должен поступить. Никто из старших воинов не отправится в поход. Нам нельзя забывать об угрозе со стороны восхода. Наши старшие сыновья тоже останутся. Они нужны здесь, чтобы охранять пастбища и табуны. Если придет враг, мы должны его достойно встретить.

– Но кого же ты отправишь к Митридату? – спросил Аспандан. – Тысяча всадников, что требует правитель Понта, – это чуть ли не половина всех, кто носит пояс ксяя.

– Никто с поясом ксяя не покинет племя. Пусть главы семейств отберут своих средних сыновей, тех, кто уже уверенно сидит на коне и владеет оружием. К Митридату я отправлю отряд во главе с моим сыном Савагом, – ответил вождь Азарион.

– погоди, Азарион, ты хочешь послать на верную смерть безбородых юнцов? – удивлённо спросили старейшины.

– Да, – подтвердил вождь.

– Но они не воины, – удивились степняки. – Они не были в битвах, и все погибнут.

– Коль суждено кому-то умереть в той, чужой войне, то пусть это будут не старшие сыновья, а те, кто моложе, – твердо стоял на своём вождь. – А коль кто из них выживет, то станет закалённым воином.

Степняки глядели на вождя с недоверием. Им предлагали отдать в жертву Савру средних сыновей. Отдать безвозвратно. Старый воин Аспандан выпрямился, оглядел всех и уверенно сказал:

– Мудрое решение. Сами мы в поход пойти не сможем: гостей ждать надо. Старшие сыновья нам здесь опора. Делать нечего. Клятву, данную перед костром Фагимасада, забывать нельзя, но и не время другим помогать, когда у самих беда под боком.

Воины начали подсчитывать, кто сколько сможет отрядить сыновей. Вышло не больше трёх сотен.

– Три сотни – очень мало, – недовольно покачал головой Азарион. – Базилевс просит тысячу. Хотя бы ещё сотни две набрать. Иначе Митридат расценит это, как оскорбление.

– Может, сыновьям восьминогих дать лошадей и оружие. Пусть идут конными лучниками, – предложили степняки.

– Ну, какие из восьминогих воины? – возражали старейшины.

– Даже с восьминогими тысячу не наберём. И что это за дружина будет? Половина в руках оружие никогда не держали.

Азарион обратился к жрецу энерею:

– Поведай нам, мудрейший, что посоветуют наши небесные покровители?

Жрец неторопливо сгрёб ивовые прутьики, лежавшие у его колен, медленно поднялся, склонил седую голову так, что смазанная жиром коса коснулась земли, затем распрямился и сказал хриплым тихим голосом:

– Выход есть, но он тебе не понравится, Сильнейший.

– Говори, – согласился вождь.

– Базилевс прислал в подарок свою дочь, в знак искреннего доверия. Дочь Митридата стоит дорого, ох как дорого! Она – залог крепкой дружбы. Она – больше, чем клятва перед костром Фагимасада.

– Согласен, – кивнул вождь.

– Но и у тебя есть такое же сокровище. Сделай ответный жест, о Сильнейший: подари ему свою дочь. Этот подарок смягчит гнев базилевса. Клятва будет выполнена; вы в расчёте.

– Но у Митридата достаточно наложниц, – возразил старый Аспандан. – Он может взять себе в жёны любую женщину, начиная от простых танцовщиц, заканчивая дочерьми могущественных правителей. Сам он дарует своих дочерей, считая это за великую честь. Вспомни, что одна из его дочерей стала супругой Тиграна, правителя Великой Армении, чья власть простирается от отрогов Кавказских гор до вечного города Вавилона.

– А если он отвергнет мой подарок? – вслед за Аспанданом усомнился вождь.

– От твоей дочери он не сможет отказаться, – уверенно ответил жрец. – Так обещают боги.

– На кого же выпал жребий Верховных? – спросил Азарион. – Отдать ему одну из младших?

– Нет. – глаза жреца сузились, превратившись в маленькие щелочки. – Отдай ему ту, что способна сражаться рядом с Митридатом, подобно воину. Самую смелую, самую дерзкую. Ту, красота и отвага которой покорит сердце старого базилевса.

– Кого же? – не сразу сообразил вождь. Вдруг он понял и гневно воскликнул: – Нет! Ни за что!

– Только её! – требовал жрец. – И клятва твоя не будет нарушена. Только она спасёт наш народ.

– Я не могу её отдать! Боги не смеют от меня этого требовать!

– Ты же не будешь вечно держать её при себе, – настаивал жрец. – Покорись богам. Пойдешь против их воли, погубишь своё племя. – Жрец показал рукой на сидевших старших воинов. – Их погубишь. Семью свою погубишь.

– Спроси ещё раз у Верховных! – в отчаянье потребовал вождь.

– Зачем? – пожал плечами жрец. – слово Верховных твёрдое. В отличии от нас, они знают будущее. Именно они управляют нашими судьбами. Покорись!

– А если Митридат всё же не примет мой подарок? Он – базилевс, я – всего лишь один из степных вождей.

– Если базилевс отвергнет твой подарок и потребует от тебя выполнить клятву до конца, я сожгу себя на священном костре, ибо неправильно понял слова Всевышних и больше не гожусь в жрецы.

Вождь Азарион окинул взглядом суровые лица старших воинов.

– Что скажете?

– Твоя дочь, тебе решать, – ответил за всех Аспандан. – Нелегко приносить ребёнка в жертву. Но сам подумай: твоя дочь или твой народ: чего ты предпочитаешь лишиться? Мы, главы семейств, тоже посылаем на смерть сыновей.

Воины закивали. Вождь Азарион обратил взгляд к старейшинам.

– Поверь, если Фагимасад требует жертвы, он ответит благодатью, – решили старейшины. – Без средних сыновей мы проживём, а без тысячи воинов – нас всех перебьют. Можешь,

конечно, отказаться от клятвы, данной Митридату, но тогда накличешь на себя беду и позор. Наверняка правитель Понта отправил дары, а может с ними и дочерей к другим могущественным вождям, тем, кто давал тогда клятву у костра Фагимасада. Они отправят воинов на помощь Митридату, а ты – нет. Все степные вожди отвернутся от тебя. Будут говорить, что Азарион клятвопреступник, значит и племя Быстрых Лис – лживое. Но и это не столь страшно. Вот, если Фагимасад разгневется? Ведь он был свидетелем твоей клятвы. Бог может отнять у нас табуны.

– Коль Фагимасад требует, пусть так и будет, – с болью в голосе согласился вождь Азарион.

Гектор, ссутулившись, сидел у костра. Плечи его вздрагивали. Саваг подошёл, присел рядом.

– Что с тобой? – спросил юноша у грамотея.

Гектор быстрым движением смахнул слёзы.

– Проклятый ромей, расковырял засохшую рану, – тяжело вздохнув, произнёс грамотей.

– Расскажи мне о своей родине, – попросил Саваг. – Ты ни разу не вспоминал при нас об Афинах.

Грамотей распрямил спину, мечтательно посмотрел вдаль. Где-то там, далеко на юге раскинулось море, а за морем лежала его родная земля.

– Кто видел Великие Афины хоть раз, тот никогда не забудет той чарующей картины, – вздохнул Гектор. Взгляд его просветлел. На губах заиграла улыбка. – Огромный белый город. Пристанище поэтов и философов, художников и ваятелей... А в середине, на высоком холме величественный Акрополь с белококонными храмами. На Акрополь ведёт широкая каменная лестница. Пройдя через колоннаду Пропилеев ты оказываешься перед Парфеноном. Этот храм создан богами. Невозможно человеку построить подобную красоту. Впрочем, о чём это я? – с грустью сказал он. – Город нынче разрушен и пришёл в запустение.

– Ты родился в Афинах?

– В чудесном, но бедном районе Керамика. Мой отец был гончаром, изготавливал большие пифии для хранения вина. Я вырос в его мастерской. Помню маленьким, лепил из глины фигурки животных, птиц... У меня хорошо получалось. Дарил фигурки друзьям. От города до порта Пирея лежит дорога, окаймлённая защитными стенами. В детстве мы часто с мальчишками бегали в порт глазеть на корабли, пришедшие из далёких стран с диковинными товарами. Тогда я мечтал стать корабельщиком, чтобы повидать мир, побывать в самых дальних уголках ойкумены. Корабельщики были для нас, мальчишек героями мифов: сильные, пропахшие морем, с мужественными суровыми лицами. Но отец хотел, чтобы я учился грамоте и выбился в люди. Не жалел денег на грамотеев. Я прилежно занимался науками. Мне удалось даже поступить в академию Платоников.

Афины находились под римским правлением. Самые ненавистные люди – сборщики податей. Жалко было смотреть на соседей, которые разорялись, продавая последнее имущество, чтобы заплатить налоги. Отцу с каждым годом становилось всё тяжелее и тяжелее. А сборщики каждый раз требовали всё больше и больше. Однажды в город пришла весть, зародившая надежду в сердцах эллинов: в Азии появился освободитель, который прогоняет из городов римских ростовщиков, народ освобождает от долгов, а рабам дарит свободу. Мы приняли эту новость, как чудо. И у чуда было имя – Митридат. Горожане собрались на главной площади, Агоре и постановили отправить в Пергам философа Афиниона. Мы тоже хотели свободы. Хотели, чтобы в Афинах вновь правила демократия.

Вскоре Афинион вернулся. Он сообщил, что Митридат готов помогать Афинам. Афиниона выбрали тираном. Римские ростовщики были с позором изгнаны. Затем Афиниона сменил Аристион, более решительный и смелый. Он попросил военной помощи у Митридата. Тот

прислал стратега Архелая с двумя тысячами отборных воинов. Архелай принялся набирать и обучать эллинскую освободительную армию. Мы были счастливы. Мы были готовы ценою собственных жизней отстаивать свободу. Но Рим не желал видеть Афины свободными. Вскоре Сенат направил консула Луция Корнелия Суллу усмирить Элладу. Как только его легионы высадились на побережье, Сулла приказал вырубать и сжигать всё вокруг. Нам было больно смотреть со стен города, как безжалостно римляне уничтожают священные оливковые рощи. Сулла разрушил стены, прикрывавшие дорогу от Афин в Пирей. Сначала он решил захватить порт, но Архелай стоял твёрдо. Всю зиму продолжалась осада. Пирей не сдавался. Сулла отчаялся и тогда решил взять Афины. Он окружил город со всех сторон рвами. На штурм идти побоялся. Решил сморить нас голодом. Для горожан настали тяжёлые дни. В городе съели все, что можно было съесть. Закончилось даже масло для священной лампы в храме Афины. У кожевников изъяли коровьи шкуры, варили их в больших котлах и ели. Защитники обессилили. Ромеи этим воспользовались. Несколько дней они непрерывно обстреливали город с метательных машин. Каменные снаряды разрушали стены, а горшки с горящим маслом подожгли город. Но несмотря на все ужасы, горожане готовы были дать бой. Тогда римляне, словно воры, ночью прокрались за стены и перерезали стражу у ворот. Легионеры ворвались в Афины и учинили резню. Остатки гарнизона, возглавляемые Аристоном отступили в Акрополь. Я был среди последних героев Афин. Ещё несколько дней мы держали оборону, пока не начали терять сознание от голода и жажды. А дальше... О чем рассказывать? Меня скрутили, заковали. Когда вели по городу, я не узнавал родные улицы: всё было разрушено, вырублено, кругом изувеченные тела, кровь и страшный, тошнотворный запах тлена вперемешку с гарью. Так погиб мой любимый город. Так погибло моё сердце.

Зарика привела дочь Митридата в свой шатёр. Пол укрывали пёстрые войлочные ковры. Сверху на коврах разбросаны звериные шкуры. Стояло несколько плетёных коробов, в которых хранились вещи. От очага из круга камней с тлеющими углями было тепло и уютно. Высокая прочная жердь, подпиравшая купол, украшена разноцветными ленточками. Горячий воздух поднимался кверху, заставляя ленточки трепетать и извиваться.

– Пока будешь жить с нами, – сказала Зарика девочке. – Это наш с Дегизой шатёр. Потом, когда совершится обряд бракосочетания, вождь подарит тебе собственный. В нём ты будешь хозяйничать и рожать детей.

– А когда? – испуганно спросила девочка.

– Не знаю, – пожала плечами Зарика. Стянула с головы лисью шапку. Две светлые толстые косы упали на спину. – Ещё не скоро, – успокоила она девочку. – Ты маленькая. У нас не принято рано выдавать замуж. Подрастёшь, окрепнешь, привыкнешь к нашей кочевой жизни... Настанет день, жрецы осмотрят тебя и решат, что ты сможешь рожать. Вот тогда...

– Почему у вас с Дегизой свой шатёр? Где живут другие дочери вождя?

– Мы – старшие. Уже охотимся и объезжаем лошадей, поэтому у нас свой шатёр. Другие наши сёстры ещё маленькие и живут с матерями.

Полог отлетел. Стремительно вошла Дегиза, держа за волосы свой ужасный трофей – мёртвую голову. Девочка вскрикнула и закрыла лицо руками.

– Зачем ты её пугаешь? Унеси! – сердито потребовала Зарика.

– Где же я её буду хранить? – недовольно спросила Дегиза. – Снаружи оставлю – собаки погрызут. И чего эта девчонка такая неженка? Всего лишь голова.

– Заверни её. – Зарика протянула Дегизе кусок рогожи. – Отнеси к Савагу. Пусть у него хранится, пока тебя не посвятят в ксаи.

– Хорошо, – недовольно буркнула Дегиза.

Завернула голову в рогожу и вышла. Вскоре вернулась. Скинула меховую накидку и шапку. Волосы её смоляными локонами упали на плечи. Девочка всё ещё глядела на Дегизу с испугом.

– Не бойся, – ухмыльнулась Дегиза. – Я кусаюсь, только когда меня сильно разозлят. А ты не зли.

– Не буду, – еле слышно ответила девочка.

– Как имя твоё? – поинтересовалась Зарика.

– Клеопатра.

– Клео...? Ох, какое длинное! – фыркнула Дегиза. – Давай будем тебя звать Кауна.

– Не дразни! – строго потребовала у сестры Зарика и объяснила девочке: – Кауна, значит – плакса. Мы назовём тебя Кудина – желанная.

– Кудина? Мне нравится, – слабо улыбнулась девочка.

– Вот и хорошо! – Зарика мягко обняла её за плечи. – А чего дрожишь?

– Холодно, – пожаловалась девочка. – Я здесь ужасно мёрзну. Раньше никогда не видела снега. Где я жила, никогда не бывает такой стужи.

– Ты привыкнешь, – успокаивала её Зарика. – Это сейчас холодно и снежно. Но вскоре проснётся богиня Апи. Папай подкинет хвороста в небесный костёр. Снег растает, и всё вокруг оживёт, зазеленеет, расцветёт...

– Будет очень весело, когда полетят гуси на север, – тут же поддержала сестру Дегиза. – И мы двинемся вслед за гусями. Будем перегонять табуны, охотиться, собирать ягоды, купаться в реках... Летом жизнь совсем иная, вот увидишь.

– Дозвольте войти? – раздался снаружи голос Савага.

Саваг долго стоял перед шатром, прежде чем спросить разрешения. В душе у него творилось что-то неладное. Ничего подобного он раньше не испытывал. Никак не отпускало то чувство нежности, когда он вспоминал, как прижимал к себе лёгкое тело девочки в меховом коконе. Вдыхал аромат её волос, и от этого аромата голова шла кругом, а сердце бешено колотилось. Когда встречал взгляд её тёмных наивных глаз, всё в нем замирало. Он злился на себя. Отгонял наваждение прочь, творя воинские заклинания. Но ничего не помогало. Вот и сейчас он боялся вновь встретиться взглядом с бездонными, завораживающими глазами.

– Входи, – разрешила Зарика.

Саваг вошёл, поклонился столбу с ленточками, поклонился очагу. Следом несколько парней внесли в шатёр тяжёлые сундуки и ларцы из кедра, обитые медью.

– Это всё – вещи Клеопатры, – объяснил он.

– Ого, сколько добра. Нам спать негде будет, – недовольно сказала Дегиза, показывая, куда ставить сундуки.

– Ничего, разместимся, – успокоила её Зарика.

Кудина открыла один из ларцов, достала золотой гребень с изумрудами и протянула Зарике. Серебряное зеркальце на длинной ручке подарила Дегизе, отчего та смущённо поблагодарила её. Сказала, что, если Кудине понадобятся кинжал или акинак – может взять у неё. Вон, на волчьей шкуре лежит оружие. Бери любое.

Саваг не выходил из шатра, отчего Зарика недовольно на него посмотрела.

– Ты что-то хотел? – спросила она у брата.

Саваг замялся. Почему-то начал краснеть.

– Нельзя мужчине долго находиться в женском шатре, – сердито напомнила ему Зарика.

Саваг неожиданно опустился на колени перед сидящей на коврах Клеопатрой. Пристально посмотрел ей в лицо, отчего девочка залилась пунцовой краской и отшатнулась.

– Что ты делаешь? – удивилась Зарика.

– Дозволь обратиться к тебе, дочь Митридата, – несмело произнёс юноша.

– Ты ей что-то хочешь сказать? – спросила у брата Зарика.

- Да, хочу, но не знаю, как она расценит мои слова.
 - Как сестра: как я или как Дегиза.
 - Она теперь – женщина нашего рода, – напомнила ему Дегиза. – Говори так же, как с нами! Только не кричи на неё, как на меня кричишь. Она испугается.
 - Я никогда не встречал таких красивых глаз, – смущённо выпалил юноша.
 - У неё обыкновенные глаза, – безразлично пожала плечами Дегиза.
 - Девочка растерялась, приоткрыла губки и покраснела ещё сильнее.
 - И голос у тебя мягкий, словно шёпот ветра в степи, – продолжал Саваг. Слова предательски дрожали. – Ты прекрасна, как раннее солнце...
 - Ты не должен так с ней говорить! – строго прервала его Зарика. – Она скоро станет старшей женщиной.
 - Прости. – Саваг тут же отвёл взгляд и поднялся.
 - Прекрасна, как раннее солнце, – промурлыкала Дегиза, передразнивая брата, и тут же пожаловалась: – А меня он вечно змеей называет.
 - Саваг, Дегиза, вас зовёт отец, – услышали они снаружи голос старшего брата, Кадзаха.
- ***

Вождь Азарион сидел перед тлеющим очагом. В шатре, кроме вождя, находился только жрец Абиоз. Он стоял на коленях и раскладывал перед собой короткие ивовые прутьики.

Дегиза, как только вошла, сразу почувствовала недоброе. Жрец кольнул её ледяным взглядом, но тут же вновь занялся гаданием. Отец как-то странно, печально посмотрел на неё и опустил глаза. Дурное предчувствие когтистой лапой сжало сердце девушки.

Вождь пригласил Савага и Дегизу сесть напротив.

- Ты убила сына вождя Серых Ястребов, – сурово сказал Азарион.
- То был честный бой. Беру Савра в свидетели, – твёрдо ответила Дегиза. Но почувствовала, что разговор будет идти совсем о другом.
- Верю тебе. Катиар, его брат, поклялся отомстить. Он прислал мне вот что. – Вождь Азарион показал стрелу из стебля сухого камыша с маленьким трёхгранным наконечником и серым оперением. Древяк стрелы потемнело от запёкшейся крови.
- Я его не боюсь, – дерзко ответила Дегиза.
- Тебе, всего лишь, надо вернуть голову, и вражда будет забыта.
- Я сделаю, как ты скажешь, отец. Но разве я нарушила законы предков?
- Нет, не нарушила, – согласился вождь.
- Тогда я хочу получить пояс Аргимпасы, – насупилась Дегиза. – Голову я должна поднести великой богине в жертву. Если отдам Катаиру, обряд не свершится. Аргимпаса меня не признает.
- Пойми, из-за этой ссоры может начаться война между нашими племенами.
- Но Серые Ястребы напали на посольство Митридата, – напомнил Саваг. – Да ещё на нашем берегу. Мы обязаны были вмешаться и наказать разбойников. И мы это сделали.
- Никто вас ни в чем не обвиняет, – сказал вождь. – Вы сделали всё правильно. Но вражда нам сейчас не нужна.
- Я поеду к Катиару, – уверенно предложила Дегиза. – Отдай мне стрелу. Вгоню ее ему в глаз.
- А если он тебя одолеет? Катаир опытный воин. Просто так подстрелить себя не даст. А коль промахнёшься, тогда он тебе голову отрубит. Твои братья, по закону крови, должны будут мстить. Разгорится война.
- Но убиты послы Митридата. Разве это не является оскорблением, нанесённым правителю Понта? – спросил Саваг.
- Митридат далеко, и заботы у него сейчас другие. Самим придется разбираться. А решить всё надо миром. Что скажешь, жрец? – спросил вождь у энерея.

Жрец оторвался от гадания. Посмотрел мутными глазами куда-то поверху голов сидящих.

– Ничего уже не исправить.

– Объясни, – потребовал вождь.

– Змея ненависти поселилась в груди Катаира, – ответил он скрипучим голосом. – Даже если отдать ему голову брата, он сделает вид, что примирился, но сам будет охотиться за Дегизой, пока не убьёт. Катаир упрямый и мстительный. Никого и ничего не боится, кроме гнева богов. Но у него мало воинов. Серые Ястребы слабые.

– Отец, расскажи нам об их племени, – попросил Саваг.

– У племени Серых Ястребов были мудрые вожди, – сказал Азарион. – И племя когда-то было могущественным. Но как завещал нам мудрый предок Таргитай: «Не гонитесь за богатством. Чрезмерное богатство приводит к жадности. А жадность – то же рабство». Не помнили Серые Ястребы завета Таргитая и решил совершить набег на приморский город Керкинитиду. Город зажиточный. Торговцы скупают у земледельцев-сколотов зерно и морем отвозят в Элладу, обратно приплывают с вином, посудой, тканями. ... Серые Ястребы обложили город и потребовали откуп. Торговцы Керкинитиды согласились. Заплатили им щедро. Серые Ястребы обрадовались столь легкому обогащению. Но торговцы Керкинитиды вместе с золотом наградили их чёрным проклятьем. Этим проклятьем была чума. Почти всё племя вымерло. Катаир с Нараконном выжили. Всего двое из двенадцати сыновей вождя. Нынче и сам вождь готов покинуть эту землю. Он оставит Катаиру слабое племя. Едва сотня ксаев наберётся. Я могу со своими воинами уничтожить Серых Ястребов. Но правильно ли поступлю? Как расценят мой поступок другие степные вожди? Будут говорить, что Быстрые Лисы нападают на слабых. Азариону нельзя верить.

– Я поеду с Дегизой к Серым Ястребам, – твёрдо сказал Саваг. – И Зарика с нами поедет. Она – самый меткий стрелок в нашем племени. Мы погибнем, но убьём Катаира.

– Не спеши, – покачал головой отец. – Сначала разобраться надо во всём. Не понимаю, зачем Наракон напал на посольство? Перепутал с торговцами из Керкинитиды? Решил отомстить за проклятье?

– Катаир сказал, что его брату заплатили римскими серебряными монетами, – вспомнил Саваг.

– Вот оно что! Римляне не хотят, чтобы мы помогли Митридату, – сделал вывод Азарион. – Недаром прислали ко мне Марка Валерия. Тот всё пытается меня отговорить послать в Понт своих воинов.

– Если бы посольство пропало, то ты бы ни о чем не узнал, – подтвердил Саваг.

Вождь взглянул на энедея.

– Поведай, жрец, что говорят боги?

– Боги не сомневаются в твоей мудрости, – ответил жрец, собирая ивовые прутьики. – Твоё решение правильное.

– О чём он говорит? – спросил Саваг.

– Слушай меня внимательно, – сказал Азарион сыну. – Ты возглавишь отряд из трёх сотен всадников и отправишься в Армению.

– О, Сильнейший, ты мне доверишь отряд? – изумился юноша.

– Так хотят боги. Вступишь в армию Митридата. Будешь честно сражаться, пока он не победит или не потерпит разгром.

– Я готов! – тут же загорелся Саваг. – Но дозволю спросить: почему я, почему не Кадзах?

– Кадзах мне нужен здесь. Возможно, нам вскоре предстоит тяжёлая война с восточными кочевниками. Но это ещё не всё. – Вождь Азарион тяжело вздохнул, при этом быстро взглянул на Дегизу. У девушки застучало в висках. Она приготовилась к самому худшему. – Сопроводишь к Митридату Дегизу. Я отдаю её в жёны правителю Понта.

Дегиза дёрнулась, как будто её ударили.

– Замуж? – Глаза заблестели от слез. – Отец, ты сказал, что отдаёшь меня в жёны? – Горло сдавило. – Неужели пришло моё время? Я не хочу! Я не готова!

– Думаешь, мне легко? – глухо ответил вождь. – Во имя Аргимпасы, ты должна спасти нас.

– Но, отец! – голос девушки сорвался. Она часто задышала.

– Выслушай меня, – как можно мягче попросил вождь. – Я бы ни за что так не поступил. Была бы моя воля, ты росла бы подле меня, пока не нашла себе достойного воина. Но боги решили иначе. Со стороны восхода приближаются чужие племена. Мы должны защитить свои пастбища, а не ввязываться в чужие войны. Но Митридат требует тысячу лучших всадников. Я не могу дать то, что он просит. С кем тогда буду держать оборону? Именно поэтому к Митридату отправится Саваг с тремя сотнями безусых юношей. Всего три сотни вместо тысячи. Ты же должна заменить всех недостающих воинов. Надеюсь, получив тебя, он не будет напоминать мне о клятве. Ты отважна, тебя любит Аргимпаса. Ты сможешь покорить его сердце. Да ещё здесь на тебя охотится Катиар, а в Понте ты будешь недосыгаема.

Дегиза опустила голову. Она гневно дышала. Закусила нижнюю губу так, что выступили капельки крови. На сжатых кулаках побелели костяшки.

– Митридат всю свою жизнь бился с тьмой и проиграл эту битву, – продолжал вождь Азарион. – Тебе суждено увидеть, как закатится яркая звезда поистине великого человека. Заклинаю тебя Фагимасадом, заклинаю Великой матерью Табити, спаси наш народ. Я больше всех своих детей любил только тебя. Я отдаю богам в жертву самое дорогое, что у меня есть, чтобы спасти наш народ.

Дегиза быстрым движением утёрла выступившую слезу, подняла глаза и ровным голосом сказала:

– Я сделаю всё, что ты велишь, отец.

Она внезапно сделалась спокойной, и обликом своим напоминала каменного идола, что стоит на кургане посреди степи.

– Я буду просить Великую мать Табити, дабы она облегчила твою долю. Буду молить небесного отца Папайя, чтобы подсказывал тебе верное решение, коль попадёшь в беду, – пообещал Азарион. – Но всегда помни: ты – дочь вождя племени Быстрых Лис. Здесь твоя родина. Здесь живут те, кто тебя воспитал, кто тебя любит всем сердцем.

– Да, отец. Я не посрамлю тебя, – еле слышно ответила Дегиза. Голос её сделался низким, чужим.

Они долго сидели молча. Дегиза отрешённо смотрела на угли в очаге. Иногда из глаз её срывались слёзы. Саваг не знал, как утешить сестру. Ему впервые стало до боли жалко её. Азарион хмурил лоб и тяжело вздыхал. Жрец не смел проронить ни звука.

Вдруг снаружи донеслась печальная мелодия свирели. В ней слышалась песня ветра и щебет птиц, стремительный полёт кречета и быстрый бег лошадей, медленное течение реки и шелест молодой травы... Вся степь в одной мелодии. Играла Зарика. Только она могла выводить такие завораживающие, мягкие звуки. Все невольно прислушались. Всем стало спокойно. Зарика – жрица Фагимасада, говорящая с лошадьми. Если она заиграла, значит, Фагимасад посылает знак: всё будет хорошо.

– Помню, зима выдалась мягкая, – задумчиво произнёс вождь, нарушив затянувшееся молчание. – Я был молод, младше вас. Мы с табунами спустились почти к самому городу Танаису. К нам в стан прибыли путники. Отец мой принял их как дорогих гостей. Среди путников оказался юноша чуть старше меня. Он был красив, высок, статен. На коне держался не хуже степного воина. Отлично владел оружием. Копьё метал на пятьдесят шагов. Он прожил у нас больше года. Стал мне братом. Мы вместе охотились и объезжали лошадей, делили пищу, спали бок о бок. Вскоре отец мне поведал тайну моего внезапного товарища. Наш юный гость оказался наследником восточного государства, которое лежало далеко за горами, на морском

берегу. У нас его скрывали от наёмных убийц. Звали юношу Митридат Дионис. Да, великий правитель Понта скрывался какое-то время в нашем племени. Отца его отравили, и теперь над ним самим нависла смерть. Самое гнусное, что отца отравила мать Митридата, и теперь хотела убить его самого, чтобы передать престол младшему, любимому сыну.

– Мать желала смерти сына? – изумился Саваг. – Разве такое возможно?

– Там, за морем, чего только не бывает, – недовольно покачал головой вождь. – Человек порой становится хуже зверя, когда боги наказывают его безумием. А жажда власти – болезнь, подобная безумию. Так вот, через год, что он прожил у нас, Митридат достиг возраста, когда ему можно было вступить в права наследования власти. Его опекуны попросили у отца воинов, чтобы помочь этому мальчику захватить столицу. Мой отец выделил отряд из лучших всадников. Я попросился с ними, и он меня отпустил. Мы шествовали через Кавказ, потом по землям колхов и по Малой Армении. К нам присоединялись всё новые и новые отряды. Мы без сопротивления вошли в столицу Понта, город Синоп, и посадили на трон моего названного брата. Тогда Понт был небольшим, приморским государством. Митридату едва хватало денег содержать слабую, плохо обученную армию.

– Что же было потом?

– А потом... – вождь нахмурился. Глаза его потемнели, как будто он вспомнил что-то плохое, что пытался забыть. – Я уехал, не попрощавшись, сразу же, как узнал, что он приказал бросить в темницу собственную мать и убить младшего брата.

– Возможно, так у них принято, хоть это и жестоко, – предположил Саваг.

– Ты всё правильно поняла, – кивнул вождь. – Но для нас подобный поступок – самый тяжкий грех. Как можно поднять руку на мать? Даже слово противное сказать в её сторону, даже взглянуть недобро – страшный, непростительный грех! – Вождь сердито засопел, потом продолжил: – Когда-то и к нам пришли жестокие времена. Племена с востока нахлынули неожиданно. Грозилась уничтожить нас, а после разорить приморские города. Правители городов Боспора воззвали к Митридату, и он прислал помощь. Полководец Диофант прибыл с большой армией. Несколько месяцев прошли в отчаянных сражениях, и дикие племена покорились. Часть из них влилась в наш народ, часть ушла дальше, в сторону захода солнца. Но после победы Митридат взял с нас, степных вождей клятву: в плату за помощь мы обязаны по первому зову присылать к нему воинов. Два раза от него прибывали гонцы, и два раза наши всадники отправлялись воевать за Митридата. Нынче вновь он требует от меня воинов. Я клялся и должен держать слово.

– Но отец, у меня совсем нет опыта, – с сожалением сказал Саваг. – Как я смогу возглавлять отряд, если никогда не бывал в битвах?

– Ничего. Я попрошу Фагимасада поддержать тебя. Понимаю, что посылаю тебя на верную гибель. Но у меня нет другого выбора. Прости!

– Я буду достойным тебя и нашего народа, клянусь своим мечом, – сказал Саваг.

– Что бы там ни случилось, буду молиться за твоё возвращение. Вернись живым, – попросил вождь.

– Этого пообещать не могу, – покачал головой Саваг. – Как боги решат.

– Уж постарайся. Я стар. Скоро настанет время – копьё не смогу удержать. А твоему брату, Кадзаху нужен будет надёжный помощник. А кто, как не младший брат, может стать правой рукой вождя?

– Дозволь мне отправиться с Савагом, – подал голос жрец. – Я буду охранять его от бед. А коль ранят, смогу вылечить.

– Но ты не воин, – удивился Саваг.

– Зато я вижу то, что другим не дано. Я умею разговаривать с ветром. Я умею слушать траву. Мне подаются знаки птицы и звери, а они общаются напрямую с богами. В походе хороший предсказатель стоит дороже тысячи воинов.

Охота

Саваг подъехал к войлочному шатру Зарика и Дегизы. За спиной горит полный стрел, два лука: один охотничий, короткий, другой длинный – боевой. Через круп коня перекинуты небольшие кожаные мешки с поклажей. Рядом с шатром могучий Гау и Мамка колдовали над закопчённым медным котлом: готовили мясо в молочной сыворотке.

– Сёстры готовы к охоте? – спросил у них Саваг.

Полог приоткрылся, из шатра выскользнула Зарика в длинной холщовой рубаше, расшитой красным узором. В косах вплетены разноцветные ленточки.

– Почему ты не одета? – упрекнул её Саваг. – Мы же собирались на охоту.

– Гонец прискакал. Скоро Ширд прибудет в стан, – радостно объяснила Зарика. – Хочу её встретить. Я маму не видела уже больше года.

Саваг расстроился.

– Ты же знаешь, если я поеду вдвоём с Дегизой, мы обязательно поссоримся.

– Дегиза не поедет. Она опечалена тем, что её выдают замуж, а вернее – зла, словно Фагимасад в бурю, – кивнула Зарика в сторону шатра. – С рассвета горланит боевые песни, расцарапала себе щёки и точит любимый топор.

Из шатра доносилась заунывная песня Дегизы, похожая больше на вой голодной волчицы, и чирканье железа о камень.

– А ещё к ней приходил жрец Абиоз. Они долго беседовали с глазу на глаз. Теперь она даже меня не слушается.

– Что ж мне – одному охотиться? – вздохнул Саваг. – Хорошо, я позову сыновей Аспан-дана.

– Нет, не одному, – загадочно произнесла Зарика и вытянула из шатра Кудину. Та была одета в кожаную плотную одежду и кожаные анаксириды. меховая высокая шапка на голове. Саваг узнал охотничий костюм Дегизы. Он был Кудине великоват, отчего юная охотница смотрелась немного неуклюже.

Саваг смутился.

– Ты что удумала, Зарика? Мы поедем с ней вдвоём? Она же не умеет охотиться, – разозлился Саваг.

– Научи, – предложила сестра.

– А отец разрешил?

– Вы же на охоту поедите, а не на войну. Покажи Кудине, как мы держимся на лошади, как стреляем из лука, познакомь её со степью...

– Пусть хотя бы Мамка с нами поедет, – попросил Саваг.

– Мамка помогает Дегизе готовиться к походу.

– Но как же я один... с ней? – растерялся Саваг.

– Что ты гнусавишь, словно маленький? – упрекнула его Зарика. – Степи боишься?

– Хорошо, – нехотя согласился Саваг. – Пусть Гау подберёт Кудине спокойную лошадь.

И дай мне своих собак.

Они ехали вдвоём по заснеженной равнине. Саваг вначале беспокоился: хоть Гау подобрала Кудине смирную, послушную лошадку, но вдруг она не удержится, свалится, упаси Аргимпаса, покалечится. Он часто оборачивался, готовый кинуться в любой миг девочке на помощь. Но Кудина уверенно сидела на лошади. У неё оказались сильные ноги. Она правильно работала телом, когда лошадь меняла темп. Легко направляла её, пользуясь одними коленями. Видно, что девочку учили ездить верхом. Две большие лохматые собаки трусили

перед лошадьми, то и дело приносиваясь к следам. Иногда кидались в сторону, что-то заметив, возвращались и вновь бежали впереди. Собаки умные. Часто с ними ходили на охоту. Знали, как зверя загнать. Могли от волков защитить.

– Не устала? – спросил Саваг у девочки, когда они оказались далеко в степи.

Кудина отрицательно мотнула головой. Подъехала ближе. Саваг заглянул ей в лицо, и сердце забило, захало. «Какая же она необычная», – как будто кто-то шепнул ему в самое ухо. Лицо гладкое. Реснички пушистые. Носик прямой. А глаза! Нет, в них лучше не смотреть. Юноша тут же попытался задавить в себе странное, незнакомое чувства, будто накатившее, как волна, отвернулся, сжал зубы и двинул коня дальше.

– Откуда ты научилась так хорошо ездить? – спросил он, не оборачиваясь.

– Мой отец – воин, – гордо ответила девочка.

Что ещё у неё спросить? Как вообще с ней разговаривать? Может, ей холодно? Или она хочет пить? – беспокоился Саваг. Вдруг собаки зарычали, значит учуяли добычу. Саваг заметил след. Цепочка кругленьких вмятин бежала по снегу.

– Смотри, зайцы! – указал Саваг вперёд, где на небольшом бугре торчали высокие стебли пожухшей травы. Рядом копошились белые пушистые комочки. – Умеешь стрелять на скаку? – спросил он, доставая лук.

– Нет, – покачала головой Кудина, но тоже потянулась за луком.

– Отпусти повод, дай лошади идти свободно, – объяснял Саваг. – Слегка наклонись вперёд, но спину держи ровно. Резко разворачивай плечи влево, одновременно натягивай лук. Спускай тетиву быстро, не задумываясь.

Собаки, оббежали бугор и погнали зайцев на охотников. Саваг с Кудиной ринулись навстречу. Зайцы бросились врассыпную. Саваг выстрелил. Тетива грозно пропела. Один из зверьков кувыркнулся и остался лежать, окрасив снег кровью. Кудина промахнулась.

– Ничего, – подбодрил её Саваг. – Одного подстрелили – уже добыча.

Он нагнулся, поднял зайца за уши. Показал девочке. Стрела пронзила насквозь белого зверька. Он ещё дёргал задними лапками. Девочка вдруг заплакала.

– Ты чего? – удивился Саваг. – Это же – заяц.

Но Кудина не могла остановиться.

– Тебе его жалко?

Она чуть заметно кивнула.

– Я только видела, как совершают жертвоприношение на алтаре перед богами, но никогда сама не убивала, – тонко всхлипывая, оправдывалась она.

– Привыкай, – как можно мягче сказал Саваг. – Как же ты будешь жить в степи? Люди – такие же хищники, как волки, как лисы. Если не убивать, то придётся питаться падалью, подобно шакалам.

– Я привыкну, – пообещала Кудина и утёрла маленькой смуглой ладошкой глаза.

Они долго скакали по белой равнине. Саваг выискивал следы зверей, объяснял Кудине, где пробежало стадо кабанов, а где олени убегали от волков. А в этом месте лиса пыталась под снегом поймать мышь. Здесь дикие козы разворошили сугроб в поисках прошлогодней травы.

– А это что за след? – спросила Кудина.

Саваг взглянул, куда указывала девочка, быстро завертел головой, внимательно вглядываясь в степь.

– Уходить надо, – сказал он резко.

– Почему?

– След коня. Конь шёл ровно, значит, обучен. Видишь, как глубоко копыта увязали? Значит всадника нёс. В степи всякие люди бродят. Есть и такие, с которыми лучше не встречаться.

Был бы Саваг один – бояться нечего. Он смог сразиться с кем угодно, а если врагов много, так и уйти сумел бы. Конь у него быстрый. Но девочка. Какой из Кудины воин? И лошадь под ней неказистая.

Степь лежала гладкая – глазу не за что зацепиться. Небо низкое, хмурое. Саваг полагался на знакомые ему приметы. Когда они выезжали, ветер дул в лицо. Вон там справа, у самого горизонта едва заметная черта далёких гор. Дальше должен попасться одинокий курган. На нём каменный идол. Только бы увидеть этот курган. От него до становья – рукой подать. Сам ругал себя за то, что был неосторожен и далеко забрался в степь. Теперь не разобрать: на своей они земле или забрели на чужую территорию? Он приказал собакам идти к стану, и те уверенно побежали в нужном направлении.

Кони шли скорой рысью. Вдруг одна из собак замедлила шаг, подняла морду кверху, принюхалась. Обернулась к Савагу, зарычала, вновь побежала. Саваг понял: собаку учуяла чужака. И тут же краем глаза заметил справа, среди бескрайней белой равнины серые точки. Где-то вдалеке всадники, человек десять, шли скрытно, стараясь опередить их и отрезать дорогу. Бросил быстрый взгляд в другую сторону, – ещё всадники.

– Скорее! – крикнул он Кудине и подстегнул коня.

Понимал, что лошади, уставшие за день, долго не выдержат быстрого бега. Но впереди должен показаться овраг. Попробуют в нём спрятаться. Овраг неглубокий, но коня со всадником сможет скрыть. Преследователи не отставали. Они почувствовали, что добыча их заметила, и стали сближаться. Только бы дотянуть! По оврагу можно выскочить к реке. Берег крутой. По самой кромке промчатся к зарослям лещины, там, где они недавно завалили оленя, а дальше – прямой путь к становью.

Саваг тревожно оборачивался на девочку. Кудина держалась хорошо, скакала ровно. Лицо её покраснелось. А преследователи всё ближе... Вот и овраг! Они нырнули вниз. Копыта зашлёпали по воде. По дну оврага протекал ручей, впадал в реку.

– Саваг! – окликнула Кудина срывающимся голосом.

Юноша обернулся. Лошадь под девочкой начала хромать на переднюю ногу. Этого ещё не хватало! Он пропустил Кудину вперёд, хлестнул лошадь плетью. Та пошла быстрее. Впереди показалась тёмная гладь спасительной реки, не затянута льдом. Надо проскакать чуть левее, там начинаются заросли лещины. Только бы лошадь Кудины не подвела...

Но тут прямо перед ними, загораживая дорогу, выскочили всадники. Саваг выхватил акинак. Наметил главного, того, что держался впереди. Собаки оскалились. Шерсть на загривках встала дыбом.

– Назад! – крикнул Саваг Кудине, но сзади по оврагу их нагоняли ещё всадники.

Юноша закрыл собой Кудину.

– Умерь пыл! – прикрикнул на него Катиар. – Вам не уйти.

– Что тебе надо?

– Её! – Катаир указал на Кудину. – Отдай, и останешься жив.

– Давай честно сразимся, один на один, – предложил ему Саваг.

– Не желаю с тобой возиться, – брезгливо усмехнулся Катаир. – Потом тебя приблюю как-нибудь. Отдай мне Дегизу!

– Попробуй возьми! – дерзко ответил Саваг, крепче сжимая рукоять меча.

– Готовься встретиться с Фэгимасадом, – проревел злобно Катаир.

Он двинулся на Савага, поигрывая коротким копьём.

– Стой! – звонко воскликнула Кудина и выехала из-за спины Савага. – Ты не посмеешь меня тронуть!

– Это не Дегиза, – неуверенно сказал один из подельников Катиара.

Нападавшие остановились.

– Ты кто такая? – недовольно спросил Катиар.

– Я дочь могущественного правителя Понтийского государства Митридата Евпатора.

Серые Ястребы несколько мгновений растерянно разглядывали девочку, а потом громко расхохотались. Громче всех смеялся Катаир:

– Дочь Понтийского правителя? Сперва лицо от навоза отмой!

Кудина сорвала шапку и бросила в снег. В волосах сверкнул тонкий золотой обруч. На лбу – огромный кровавый рубин. За такой рубин не жалко отдать пару обученных боевых коней. Она вытянула вперёд руку с агатовым перстнем.

– Смотри сюда! Это знак божественного дома правителей Понта? Только коснитесь меня, и ты нанесёшь оскорбление самому Митридату Великому. Кто ты такой, чтобы сомневаться в моём божественном происхождении?

Смех оборвался.

– Как поступим? – спросили Катаира товарищи. – А если она не врёт?

– Схватим их, потом разберёмся. Обменяем девочку на Дегизу или убьём обоих, – решил Катаир. – Не боюсь я никакого правителя Понта.

Вдруг он изменился в лице, будто почувствовал угрозу, резко пригнулся, стрела едва не угодила в голову.

Над оврагом показались всадники. Зарика натянула лук, целясь Катаира в лицо. Рядом вырос Кадзах и его дружинники.

– Второй раз я не промахнусь, – предупредила Зарика. – Наконечник боевой, с ядом гадюки.

Серые Ястребы затоптались на месте. Их окружили и не давали выбраться из оврага. Катаир от злости скрипнул зубами.

– Где же твоя сестра? – с вызовом крикнул он Кадзаху. – Почему сама не пришла?

– Если бы Дегиза была здесь, – ответила Зарика, – она уже выбила бы тебе глаз.

– Так пусть выбьет! Или испугалась? Если боится, пусть Саваг ответит за неё. Я желаю с ним сразиться. Пусть он отстаивает честь вашего рода за Дегизу.

– Я готов! – ответил Саваг и тронул коня вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.